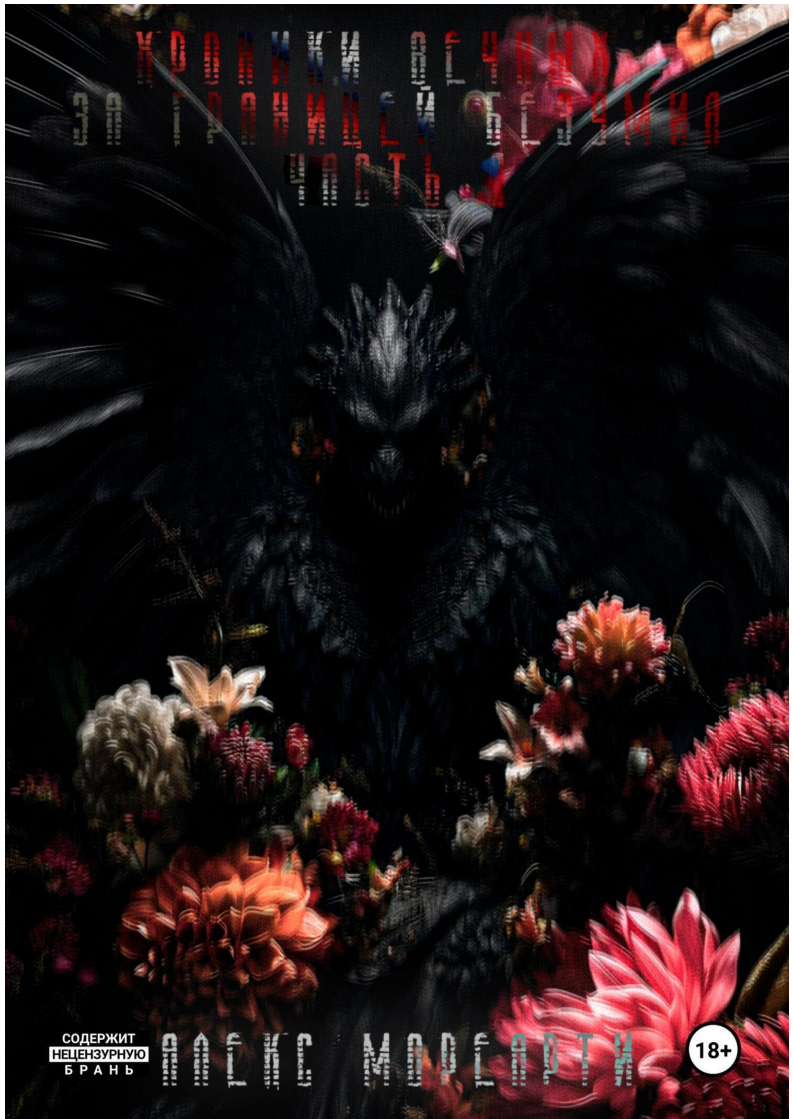

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Мореарти

Хроники Вечных: За границей безумия. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72262603

SelfPub; 2025

Аннотация

Это первая часть моей истории об удивительной придуманной мной вселенной. Вторая уже находится в продаже. Ой, точно....вам же нужно узнать про эту часть. Такс... Я не буду говорить, о чем эта книга, я скажу вам, что вы почувствуете, читая ее! Вы прочувствуете настоящий любовный треугольник во всех эпостасия – не те, которые показаны в фильме. Гениальный писатель современности уничтожает слабеньких девушек, чтобы писать на их историях книги. Однако он встречает такого же манипулятора, который начинает водить им вплоть до того, что он становится бездомным. Однако, потом выясняется, что и это не то, чем кажется!

Книга не для всех, здесь нет соплей и любовных, вылизанных драм. Только чистые эмоции настоящей жизни: боль, страх, ненависть. Да, цена книга высокая – но не потому, что я жадный... потому что настоящие эмоции стоят дорого. Сколько стоит подарок любимой женщине? Не купите же вы ей платье за 500 рублей?! Нет, любимой вы подарите только лучшее!

Автор обложки – Алекс Морсарт

Содержание

Глава 1: Первая глава нового романа.	5
Глава 2: Рукопись, потерявшая контроль.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Алекс Мореарти Хроники Вечных: За границей безумия. Часть 1

Глава 1: Первая глава нового романа.

Мраморный холодный пол ласкал ее босые ступни. Огромный зал тонул в тенях, лишь редкие лучи лунного света пробивались сквозь высокие стрельчатые окна, выхватывая из темноты блики золота на одеждах и остроту скул коленопреклоненных фигур. Воздух был густым, почти осязаемым – смесь дорогих масел, сандала, металла и едва уловимого, сладковатого запаха страха. Ее страха. Того, что она внушала.

Они стояли на коленях перед ней. Не просто мужчины – хищники. Титаны в своих мирах. Принц Халид, чьи руки по локоть в крови неугодных журналистов, чей взгляд заставлял леденеть сердца генералов. Его темные глаза, обычно мечущие молнии, сейчас были полны щенячьей преданности, устремлены на кромку ее шелковой ночной сорочки, словно это был единственный источник света во вселенной. Ря-

дом – шейх Рашид, чье имя шепотом произносили на биржах и в тайных советах, человек, способный обрушить экономику страны одним росчерком пера. Его пальцы, униженные перстнями с камнями размером с голубиное яйцо, сейчас слабо подрагивали на холодном мраморе. Он едва дышал, боясь нарушить тишину, боясь спугнуть ее мимолетное внимание.

А она... она сидела на высоком, резном стуле, больше похожем на трон, но без излишней помпезности. Ей не нужны были символы. Власть была не в троне, не в золоте. Власть была в ней. Она пульсировала под кожей горячей, тяжелой волной, разливалась по венам жидким огнем удовольствия. Кайф. Чистый, незамутненный, абсолютный.

Это было лучше, чем любой наркотик. Острее, чем лезвие. Она чувствовала их нутром – их страх, их восхищение, их унижительное, всепоглощающее желание подчиняться. Она играла на струнах их душ, как на арфе, извлекая музыку абсолютной покорности. Каждый их вздох был подвластен ей. Каждый удар их сердца отдавался в ее собственном теле триумфальным эхом.

Халид судорожно сглотнул, его взгляд стал почти безумным от желания коснуться до нее, но он не смел. Он знал цену неповиновения.

Напряжение в зале стало почти невыносимым. Оно вибрировало, как натянутая струна перед тем, как лопнуть. Она знала, чего они ждут подсознательно – приказа, унижения,

возможно, даже боли, лишь бы это пришло от нее. Но она наслаждалась именно этим – ожиданием. Паузой. Тем, как их могущественные тела дрожали от бессилия перед ее спокойствием.

Она видела, почти физически ощущала их ближайшее будущее: холодные кабинеты, блеск хирургических инструментов в руках безликих исполнителей, крики тех, кто посмел предать Халида. Она слышала ледяной голос Рашида в телефоне, стирающий с биржевой карты очередного конкурента, обрекающий сотни на нищету одним росчерком. Жестокость была их инструментом, их языком в том мире, куда они вернутся через несколько часов.

Но здесь... здесь вся их мощь, вся их способность ломать и уничтожать была лишь потенциалом, ждущим ее команды. Они могли бы сжечь полмира по ее слову. И это знание – что эти безжалостные хищники станут ее послушными клинками, если она того пожелает – пьянило сильнее любого вина.

Они подчинялись не потому, что она держала компромат или обещала богатство – смешно, у них было и то, и другое в избытке. Они преклоняли колени, потому что их животный инстинкт, отточенный годами борьбы за власть, кричал им: она – иная. Не просто женщина, не просто правительница. Что-то древнее, первозданное, воплощенное в этом хрупком, но несокрушимом теле. Сила, не зависящая от армий, денег или связей.

Она видела в их дрожащих зрачках отражение их соб-

ственной ничтожности перед ней. Они, кто привык измерять мир купюрами и стволами, столкнулись с тем, что нельзя купить или застрелить. Она была вершиной пищевой цепи, а они, при всей своей земной власти, – лишь ступенью ниже. Их армии, их службы безопасности – все это было бесполезно против ее тихого слова. Но еще сильнее они боялись того, что случится, если они ее послушаются. Интуиция, звериное чутье подсказывало им: наказание будет не просто жестоким. Оно будет абсолютным. Уничтожающим не только душу, но и саму суть их существования.

Однообразная покорность начинала утомлять. Нужно было что-то новое, что-то, что еще глубже втопчет их гордыню в холодный мрамор, что заставит их осознать пропасть между ней и ими не только разумом, но и каждой клеткой униженного тела.

Ее губы изогнулись в хищной, предвкушающей улыбке. Идея пришла внезапно, острая и восхитительно унижительная. Ее голос прозвучал тихо, но в абсолютной тишине зала он прорезал воздух, как раскаленный нож масло. «Пол...» – Она сделала паузу, наслаждаясь их внутренней борьбой, их отчаянными попытками угадать, что последует за этим словом. «Он так грязен от вашего страха...» – она обвела взглядом пространство перед ними. «Вылизите его. Дочиста».

Она видела, как краска отхлынула от лица Халида, как дернулся кадык у Рашида. Их глаза расширились от шока, неверия, и глубоко запрятанного, инстинктивного протеста,

который тут же был подавлен всепоглощающим страхом перед ней. Они знали, что послушаться – невыносимо. Они знали, что унижение – это цена их дальнейшего существования под ее незримым покровительством.

Но подчинение своей королеве прервал резкий, неуместный, оглушительный звук, разорвавший священную тишину ее власти. ДЗЗЗЗИНЬ!

Механический, настойчивый трезвон телефона.

Власть. Кайф. Ощущение божественного всемогущества. Все это... исчезло. Мгновенно. И взамен этого пришла ярость. Холодная, черная, которая поднялась из самых глубин ее существа, замораживая кровь в жилах. «Кто?! Кто из этих ничтожеств посмел?!». Они подписывали негласный договор своим преклонением, договор на абсолютное подчинение, на полное растворение своей воли в ее. И частью этого договора было отключение от внешнего мира, от всего, что могло бы нарушить ее власть. И кто-то из них... нарушил.

Наказать. Немедленно. Жестоко. Но не так, как наказывали они – пытками, физической болью. Она хотела вскрыть их души тупым, ржавым ножом и вывернуть наизнанку. Она хотела поселить в их разумах червей сомнения и страха, которые бы грызли их годами, десятилетиями. Чтобы каждый раз, закрывая глаза, они вспоминали этот миг, этот звонок, и последовавшее за ним наказание – не для тела, для самого их "я". Она знала, как это сделать. Она знала их самые уязвимые точки, их потаенные страхи, их хрупкое эго, скрытое

за маской силы и денег. И она знала, что может разорвать их на куски, не пролив ни капли крови.

«Кто из вас, грязь под моими ногами, посмел принести сюда ЭТОТ шум?!».

Но что-то изменилось. Звонок теперь... он казался... знакомым? Он звучал... ближе. Слишком близко. Мраморный пол под ногами на мгновение стал мягким и теплым, как... простыня? Тени в углах зала задрожали, теряя свою глубину. Фигуры коленопреклоненных мужчин начали таять, расплываться, теряя контуры. Их страх, такой реальный секунду назад, стал фантомом, эхом эмоции, а не самой эмоцией.

Это... нереально.

Звонок. Он был настоящим. Он был здесь, рядом с ней, а не там, в зале ее власти.

Сон.

Это был всего лишь сон.

Ощущение холодного мрамора исчезло окончательно, сменившись привычной мягкостью матраса. Тяжесть власти испарилась, оставив лишь фантомную усталость. Ярость схлынула, уступая место легкой дезориентации и раздражению на настойчивый звук. Мир абсолютного контроля рушился, рассыпался на пиксели, уступая место... реальности.

Звонок продолжал требовательно гудеть где-то рядом.

Эмили открыла глаза.

Потолок. Белый, знакомый, и до тошноты скучный потолок ее спальни. Не мраморные своды, не игра теней и лун-

ного света. Телефон на тумбочке продолжал вибрировать и пиликать с упорством дятла, долбящего по нервам.

Раздражение вспыхнуло мгновенно, обжигая остатки сна. Она с силой шлепнула ладонью по экрану, пытаясь вслепую нащупать кнопку «отбой», чтобы снова отправиться в сладкий сон, пока еще окончательно не проснулась. Промаяхнулась. Звук не прекратился.

«Да твою ж мать!» – прошипела она, рывком садясь на кровати. Сонные глаза с трудом сфокусировались на светящемся прямоугольнике. Имя на экране вызвало новую волну злости, на этот раз направленную не на телефон, а на себя. «Какого черта, Эмили?! Опять забыла поставить на беззвучный! Идиотка!».

Она с силой ткнула пальцем в красную иконку, обрывая наконец назойливую трель. Тишина, наступившая после, показалась оглушительной и какой-то... пустой. Лишенной той пьянящей власти, что наполняла ее еще мгновения назад. Осталось только глухое, вязкое раздражение.

Эмили откинула одеяло и свесила ноги на пол. Прохладный ламинат неприятно охлаждал ступни. Она потерла лицо руками, пытаясь стереть остатки сна и липкое чувство досады.

«Долбаные подлизы,» – пробормотала она, поднимаясь и направляясь к шкафу за халатом. «Неделю! Неделю не могут прожить без напоминания о себе! Что им нужно в такую рань? Или это уже не рань?». Она мельком глянула на часы

на телефоне, который теперь держала в руке. Девять утра. Не так уж и рано, но для нее, после такого сна... это было преступление.

«Вот кто таких воспитывал?» – злость снова начала закипать, пока она шла по коридору в сторону кухни. Она чувствовала, как напрягаются мышцы шеи. «Даже с женщиной нормально общаться не способны. Неужели нельзя просто... быть нормальным. Вот что там опять? О, кинул свой торс и предложил приехать. Боже, где же кавалеры, которые сражались за женщин в дуэлях. Всем только быстрого секса хочется, только тела, а души всем перестали быть интересны».

Она вошла в кухню, щелкнула выключателем кофемашины. Мерное гудение аппарата немного успокаивало, внося в хаос утреннего раздражения нотку привычного ритуала. Эмили открыла холодильник, достала молоко, затем потянулась к полке за любимой чашкой. Руки двигались на автомате, но мысли продолжали метаться.

«И ведь знают же, что ненавижу звонки по утрам. Знают! Но все равно лезут. Вырвали из такого сна, чтобы скинуть свой долбаный торс...». Она на мгновение замерла с пачкой кофе в руках, пытаясь удержать ускользающие обрывки ночного видения – ощущение полета, абсолютного контроля...

Она засыпала кофе в рожок, механически утрамбовывая его. Взгляд снова упал на телефон, лежащий на столешнице. Помимо пропущенного от "лучшего в мире мужчины", горел значок уведомлений. Она разблокировала экран. Пять

пропущенных от мамы.

Эмили закатила глаза так сильно, что на секунду заболели глазные мышцы. Тяжелый вздох вырвался из груди.

«О, ну конечно! Вишенка на торте!» – проговорила она вслух, обращаясь к гудящей кофемашине. «Как будто мне мало этих идиотов, так еще и мама со своим контролем». Она поставила чашку под рожок и нажала кнопку. Аромат свежесваренного эспresso начал наполнять кухню, но даже он не мог смягчить ее раздражения.

«И что она хочет услышать? "Как дела, доченька?"» – Эмили передразнила писклявым голосом, помешивая ложечкой дымящийся кофе. «Да так же, блин, как и вчера! И неделю назад! Что может глобально поменяться за ночь в моей скучной жизни, мам?! Солнце встало на востоке? Да, спасибо, кэп! Работа все там же? Да, представляешь!». Она сделала глоток горячего, горького кофе. Он немного обжег язык, но это было даже приятно – физическое ощущение отвлекало от внутреннего кипения.

«Какой смысл в этих бесконечных "Как дела?" Каждый раз одно и то же. "Все нормально". "А у тебя?". "Тоже нормально". Информативность – ноль! Пустая трата времени и нервов. Просто чтобы галочку поставить? Что пообщалась с дочерью? Надоело!».

Эмили отставила чашку и подошла к окну, глядя на просыпающийся город. Машины внизу ползли, как сонные мухи. Но теперь она видела не просто медленное движение.

Она видела серость. Не только в утреннем свете, пробивающемся сквозь дымку, но и в самой сути города. Серость бездушных коробок из стекла и бетона, серость асфальта, серость лиц людей, спешащих по своим делам с озабоченным, пустым выражением.

Ей показалось, что весь этот огромный мегаполис – лишь гигантский механизм, где люди – винтики, давно забывшие, что у них есть душа. Все бегут, суетятся, чего-то достигают, но для чего? Чтобы потратить больше? Чтобы получить больше власти? Чтобы использовать друг друга? Да, именно так. Использование. Это слово эхом отдавалось в ее голове, вызывая тупую, ноющую боль где-то под ребрами.

Она прижалась лбом к прохладному стеклу. В ее жизни... было так же. Серо. Пусто. Без любви. Не той приторной, фальшивой любви из фильмов, а настоящей, глубокой, где тебя видят, слышат, чувствуют... Где ценят не только твою внешнюю оболочку, но и то хрупкое, ранимое, что прячется внутри.

Воспоминания нахлынули непрошеной волной. Все они... ее бывшие... Они смотрели на нее с восхищением, с желанием, с жадностью. Они осыпали ее комплиментами, подарками, обещаниями. Но их руки, их взгляды... они всегда скользили по поверхности. Они хотели обладать ее телом. Но никто... никто даже не попытался заглянуть глубже. Никто не спросил, о чем она мечтает перед сном, чего боится в темноте, что заставляет ее сердце биться чаще не

от страсти, а от... нежности? Грусть стала почти физически ощутимой, сдавливая горло. Хотелось плакать от этого все-ленского одиночества посреди многомиллионного города.

Она вернулась к столу, взгляд скользнул по разбросанным на нем вещам. Утренний кофе, телефон, пара книг, которые она читала вчера вечером, пытаясь найти ответы... или хотя бы утешение. «Психология жертвы», «Как распознать манипулятора», что-то про НЛП... Она поморщилась. Сейчас эти названия казались такими же серыми и безнадежными, как и вид из окна. Прочь. Не хочу об этом думать. Не сейчас.

И в этот самый момент...

Динь-динь-динь-дон!

Не просто звук уведомления. А тот самый звук. Короткая, переливчатая мелодия, которую она специально установила на сообщения от него. Звук, который мгновенно, как разряд тока, пронзил серую пелену ее уныния.

Сердце подпрыгнуло и забилось где-то в горле. Она замерла, боясь поверить. Воздух вокруг словно наэлектризовался. Грусть, серость, мысли об использовании – все это испарилось без следа, вытесненное внезапной, всепоглощающей волной... счастья? Нет, это было нечто большее. Эйфория. Чистая, незамутненная, оглушающая.

Эмили бросилась к телефону, пальцы слегка дрожали, когда она разблокировала экран. Да! Это он! Сообщение от него! Она впиалась глазами в строчки на экране, губы сами собой расплылись в широкой, глупой, абсолютно счастливой

улыбке. Он предлагал встретиться. Сегодня. Через час.

«Да! Да! ДА!» – она подпрыгнула на месте, едва не опрокинув стул. Весь мир мгновенно преобразился. Серость за окном? Какая серость! Солнце сияло, город жил, дышал, и все эти люди внизу наверняка спешили навстречу своему счастью, точно так же, как она сейчас!

Любовь! Вот что имело значение! Не та фальшивка, которую она знала раньше, а настоящая, та, что заставляет сердце петь, а душу – парить! Он был другим. Он видел ее. Он слышал ее. Он единственный за последние... да за всю жизнь, наверное! – кто интересовался ее мыслями, ее чувствами.

«Час! Всего час!» – паника смешалась с восторгом. Нужно собраться! Что надеть? Она метнулась к шкафу, лихорадочно перебирая вешалки. Это платье? Слишком просто. Это? Слишком вычурно. Нужно что-то... особенное. Что-то, что скажет ему без слов, как она рада, как она ждала этого сообщения, этой встречи!

Эмили кружилась по комнате, напевая какую-то бессмысленную мелодию, энергия была через край. Мир снова обрел краски, звуки, запахи. Кофе на столе уже остыл, но кого это волновало? Сейчас ее грела не кофеиновая горечь, а предвкушение встречи, тепло его улыбки, глубина его глаз. Она чувствовала себя героиней самого прекрасного романа о бесконечной, всепобеждающей любви. Все прошлые обиды, вся циничность, весь мрак – все это казалось теперь далеким, неважным сном. Реальность была здесь – в этом со-

общении, в этом бешено стучащем сердце, в этом сияющем обещании счастья, которое ждало ее всего через час. Она летела навстречу ему.

Она схватила сумочку, ключи, мельком глянула в зеркало – глаза блестят, щеки горят, улыбка до ушей – идеально! – и вылетела из квартиры, захлопнув дверь с такой силой, что в прихожей качнулась картина. Сердце колотилось, как сумасшедшее, разгоняя по венам не кровь, а чистый норадреналин, смешанный с шампанским эйфории. Мир за дверью квартиры встретил ее взрывом красок и звуков, словно кто-то выкрутил настройки реальности на максимум. Солнце било в глаза слепящим золотом, гул города превратился в волнующую симфонию, каждый шаг по лестнице отдавался легким, пружинящим толчком – она не шла, она летела!

На лестничной площадке она едва не снесла соседку, пожилую женщину, медленно поднимавшуюся с пакетом молока. Эмили пронеслась мимо, вихрем воздуха едва не выбив пакет из ее рук. «Ой!» – донеслось сзади, но Эмили уже была тремя пролетами ниже. «Ой, как неудобно вышло!». Выскочив из подъезда на тротуар, она резко свернула направо, прямо в девушку, которая только что вышла из маленького магазинчика с лотком яиц в руках. Удар! Пластиковый лоток взлетел в воздух, и хрупкие скорлупки с отвратительным хлопаньем разбились об асфальт, разбрызгивая желтки и белок. Девушка ахнула, глядя на растекающееся месиво у своих ног. «Смотри, куда бежишь, дура!» – крикнула

она вслед Эмили, стыд у которой даже не мог появиться из-за огромного количества эндорфинов, которые вырабатывались от мысли свидания с ним.

Впереди, у перекрестка, она увидела его – свободное такси, желтое, как само солнце, идеальное! Но к нему уже направлялся мужчина в костюме, явно спешащий на важную встречу. Он был ближе, он уже поднял руку... Но Эмили была быстрее. Или наглее. Она рванула через дорогу, игнорируя недовольное бибиканье машины, пронеслась мимо опешившего мужчины и буквально впрыгнула на заднее сиденье такси, выкрикнув водителю: «Гони!». Мужчина в костюме что-то крикнул ей вслед, но его голос потонул в шуме улицы и реве мотора – водитель, удивленный таким напором, уже нажал на газ. Но Эмили это сделала не специально, фокус на радости был настолько сильный, что она не только не заметила, что в такси уже хотел есть другой человек, она даже не заметила, как села не в свое такси.

Эмили откинулась на сиденье, тяжело дыша. Победа! Она успела! Она достала зеркальце, поправила выбившуюся прядь волос. Губы все еще горели от улыбки, глаза сияли почти безумным блеском. Мир за окном такси проносился яркими, смазанными пятнами.

Такси неслось по улицам, сливая дома, витрины и светофоры в одну яркую, пульсирующую ленту. Эмили смотрела в окно, но видела не город, а отражение своего сияющего лица и вихрь мыслей в голове. Улыбка не сходила с ее губ, глупая,

счастливая, абсолютно искренняя.

И тут, среди этого калейдоскопа радости, всплыли слова мамы. Она вспомнила их почти со смехом, таким абсурдным казался сейчас этот вечный мамин рефрен. «Никогда, слышишь, Эмили, никогда не найдется парень, который полюбит тебя по-настоящему. Никто не полюбит все твои стороны. Ты просто глупая девчонка, столько лет, но еще маленький ребенок, ты ничего не понимаешь в жизни».

Эмили тихонько хихикнула, прикрыв рот ладошкой, словно делиась секретом с самой собой. Бедная мамочка! Вспомнились ее слова, всегда произносимые с такой тяжелой, всезнающей грустью, от которой у самой Эмили сжималось сердце.

«Эмили, милая, ты ведь как будто... не здесь. Ты порхаешь в своем мирке, и людей-то толком не видишь. Не замечаешь... что оставляешь за собой след. Ты думаешь, это кому-то нужно? Кто захочет разбираться во всем этом?» – Мама обычно неопределенно обводила рукой воздух вокруг Эмили, словно та была окружена невидимой, но проблемной аурой. – «Ты такая... наивная. Строишь в голове красивые картинки, а реальность... она другая. Никто не полюбит все твои стороны».

Раньше от этих слов становилось невыносимо горько. Мама считала ее глупой, неловкой, витающей в облаках тихоней, неспособной на настоящие, взрослые отношения. Будто она какая-то недоделанная, не приспособленная к жизни.

Эмили съеживалась под этим взглядом, полным тревожной жалости, и чувствовала себя ужасно виноватой за то, что она вот такая – не такая, как надо маме, не такая, как все. Ей даже стало немножко жаль маму. Как же она теперь будет переживать, узнав, что ее «неприспособленная» дочка все-таки нашла кого-то? Наверное, сначала не поверит. А потом...

Хотя... если бы мама узнала всю историю их знакомства... Эмили снова улыбнулась, чувствуя, как щеки заливают румянец – то ли от смущения, то ли от восторга. Ох, мама бы точно решила, что парень – полный псих. Она бы назвала его непредсказуемым, может, даже опасным, и их знакомство – чистым безумием. Кто ж так знакомится? Мама бы точно сказала, что это не нормально, что так не бывает, что Эмили опять вляпалась в какую-то свою фантазию.

Но Эмили-то знала! Их встреча – это не безумие, а судьба! Мама бы не поняла. Она бы увидела только внешнюю, шокирующую сторону, не разглядев той удивительной связи, что возникла между ними. Если бы мама смогла почувствовать, как она смотрит на него, то изменила бы свое мнение. И тут Эмили растеклась в своих же мыслях, каждое внешнее воздействие начало триггерить ее на то самое воспоминание их встречи – самое прекрасное событие за последние несколько лет. Эмили усмехнулась. Та презентация... Она до сих пор чувствовала ладонями гладкую прохладу микрофона. Зал гудел, как растревоженный улей. А он на сцене – центр вселенной, небрежно элегантный, раздающий авто-

графы с видом небожителя, снизошедшего до смертных.

Эмили, сама писательница, пришла тогда не просто как фанатка. Ей нужно было увидеть его в движении, услышать живую интонацию, почувствовать эту ауру контроля, которую он так мастерски описывал в своих книгах о мужской власти. И Эмили снова окунулась, как в омут памяти, в это воспоминание.

Зал был наэлектризован. Виктор Хорст, облаченный в дорогой костюм и ауру неприкасаемости, только что закончил очередной пассаж о природе власти, сравнив ее с изящным хищничеством в городских джунглях. Его голос, бархатный и чуть насмешливый, окутывал аудиторию, загипнотизированную его цинизмом и блеском. «Кто следующий рискнет бросить вызов хищнику?» – спросил он с улыбкой, обводя зал взглядом сытого льва.

Поднялась рука. Неуверенно, почти робко, Эмили двинулась к микрофону. Она казалась неуместной в этом зале полированного цинизма – простое платье, растерянный взгляд, пальцы, нервно комкающие какой-то листок. Словно заблудившаяся школьница на светском рауте.

«М-мистер Хорст...» – ее голос был тихим, почти детским, но микрофон усилил его, донеся до каждого уголка зала. «Здравствуйте. Я... я прочла все ваши книги. Они... такие... заставляют думать. Но...», – она запнулась, уставившись в свой листок, словно ища там спасения. «Скажите, а вот ваши герои... они такие умные, такие всё просчитыва-

ют... А они... они когда-нибудь... ну... просто любят? По-настоящему? Чтобы вот... бабочки в животе и всё такое?».

Волна сдержанного смеха прокатилась по рядам. Сам Хорст откинулся в кресле, на его губах заиграла откровенно брезгливая улыбка. Он оглядел девушку с головы до ног с видом энтомолога, обнаружившего под микроскопом особенно примитивный организм.

«Бабочки? В животе?» – переспросил он, и его смешок был подхвачен залом, который уже не сдерживался. «Деточка, вы с какой планеты к нам пожаловали? Мои герои занимаются сексом, заключают выгодные альянсы, манипулируют чувствами для достижения цели. А ваши «бабочки» – это, простите, либо симптом гастрита, либо признак затянувшегося пубертата. Оставьте их для авторов слезливых романов в мягких обложках. Здесь мы говорим о серьезной литературе. О реальных механизмах власти».

Эмили густо покраснела, но не опустила глаз. «Но... но ведь говорят, любовь – самая сильная вещь на свете? Разве она не может... ну... сделать человека лучше? Даже самого... такого... сложного, как ваши герои? Может, им просто не везло? Может, они бы изменились, если бы встретили... ту самую?».

Смех в зале перерос в откровенный гул одобрения цинизму мэтра. Люди переглядывались, качая головами – какая наивность! Хорсту явно доставляло удовольствие это маленькое представление.

Он театрально вздохнул, проведя рукой по идеальной укладке. «О, святая простота! Как это... невыносимо трогательно!». Он наклонился к микрофону, его голос стал вкрадчивым, почти интимным, но глаза оставались холодными, как лед. «Послушайте меня внимательно, дитя мое. "Та самая" – это удачный рекламный слоган для продажи бриллиантов и дешевых грез. В мире, который описываю я, любовь – это слабость. Уязвимость. Троянский конь, начиненный розовыми соплями. Нажми на эту точку – и любой титан рухнет. Мои герои это знают. Поэтому они предпочитают быть теми, кто нажимает, а не теми, на кого нажимают. Вам, с вашим... инфантильным мировосприятием... вам бы лучше пойти рисовать открытки с котятами. Там ваша "любовь" будет смотреться органично».

Унижение было густым, почти осязаемым. Оно повисло в воздухе, и Эмили стояла под его тяжестью, теребя свой несчастный листок. Казалось, она вот-вот разрыдается и убежит. Но вместо этого она снова подняла на него глаза, полные странной, слепой веры.

«Но... неужели совсем нет надежды?» – ее голос дрожал, но упорно продолжал звучать. «Неужели все так... цинично и пусто? А как же... душа? Разве ваши герои не страдают от того, что у них нет... ну... простого тепла? Может, вся их жестокость – это просто... крик о помощи? Потому что им на самом деле одиноко и страшно без любви?».

И тут что-то щелкнуло. Улыбка Виктора Хорста исчезла,

словно ее стерли. Лицо стало жестким, острым. Он резко подался вперед, почти упираясь в микрофон. Глаза сузились, в них вспыхнула чистая, неприкрытая ярость.

«Душа? Тепло? Крик о помощи?!» – его голос сорвался на шипение, весь бархат исчез, остался скрежет металла. «Да что ты несешь, идиотка?! Ты вообще читала мои книги или только аннотации для слабоумных?! Мои герои – хищники! Альфа-самцы! Вершина пищевой цепи! Они наслаждаются своей силой, своим одиночеством, своей свободой от таких сопливых иллюзий, как твоя "любовь". Страдают?! Да они презирают таких, как ты! Таких вот... инфузорий, мечтающих о "тепле" и "бабочках", не способных понять элементарную истину: миром правит СИЛА! Контроль! Желание подчинять! А твоя хваленая любовь – это просто набор гормонов для размножения и удобный самообман для лузеров, боящихся посмотреть правде в глаза!».

Он почти кричал, слова вылетали, как пули. Зал замер. Смех оборвался на полуслове. Люди смотрели на Хорста с испугом – маска гения слетела, обнажив уродливый, яростный оскал.

Эмили прошептала, но микрофон уловил каждое слово, по ее щекам катились слезы: «Но... вы... вы сами... неужели вы тоже так думаете? Что нет ничего... настоящего?».

«Я?!» – Хорст ударил кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнул стакан с водой. Он вскочил, лицо стало багровым, черты исказились от гнева. Руки тряслись. «Да какое

тебе дело до того, что думаю Я?! Кто ты такая вообще, чтобы задавать мне такие вопросы?! Приползла сюда со своими девчачьими фантазиями, со своей розовой блевотиной про любовь и пытаешься ковыряться в моей голове?! Думаешь, ты что-то поняла?! Думаешь, твои идиотские вопросы могут что-то значить?! Да ты просто пыль! Функциональный ноль! Пустое место, заполненное ванильной ватой! Охрана!» – заорал он, тыча пальцем в сторону Эмили. «Уберите ее отсюда! Немедленно! Вышвырните эту непроходимую дуру на улицу, пусть там ищет своих бабочек! Вон!!!».

Он стоял, тяжело дыша, впившись взглядом в окаменевшую Эмили. Ярость волнами исходила от него, заполняя пространство. Охранники уже двигались к девушке, которая стояла неподвижно, бледная, со слезами на щеках, но не отводя взгляда от него. В зале стояла мертвая тишина. Все видели одно: великий писатель, кумир, только что на их глазах превратился в разъяренного, потерявшего контроль зверя, который с наслаждением растоптал безобидную девочку за невинный вопрос о любви.

Вот только Виктор забыл, что он публичная личность, и нужно контролировать свои эмоции на сцене. Видео с презентации, где великий Виктор Хорст, властитель умов и мастер психологических игр, срывается на визг, обрушивая на неизвестную девушку поток отборных оскорблений, разлетелось по сети со скоростью лесного пожара. И толпа, еще вчера рукоплескавшая ему, теперь с упоением вгрызалась в его

репутацию, как стая гиен в поверженного льва. Хейт обрушился цунами: ток-шоу, гневные статьи, карикатуры, мемы – его имя стало синонимом токсичного нарциссизма. Рекламные контракты таяли, издательство требовало немедленно потушить пожар. Контроль, его бог, ускользал.

Пришлось действовать. Пиарщики настояли: публичное извинение, на главном телеканале страны, лицом к лицу с той самой девушкой. Эмили. Имя, которое теперь знал каждый.

Он ждал ее в примерке перед эфиром, готовый раздавить ее своим снисходительным раскаянием, заставить публику снова увидеть в нем гения, оступившегося, но все еще гения. Но когда дверь открылась, он замер. Вошла не та испуганная серая мышка с дрожащим голосом и листком в руке. Вошла женщина. Волосы, оттенка черного мрамора, уложены дерзкими волнами, платье – ярко-алое, облегающее, почти вызывающее. На губах – такая же алая, хищная помада. Она двигалась плавно, уверенно, и в ее глазах не было ни следа прежней робости – только холодное, изучающее спокойствие.

Это был удар под дых. Не просто трансформация – это была декларация войны. Этот вызывающий наряд, эта внезапная уверенность – он воспринял это как личное оскорбление, как плевок в лицо его гению. Толпа теперь будет обсуждать не его книги, не глубину его мысли, а эту... эту самозванку, укравшую его гром. Его унижение на той презентации меркло перед этим новым – ощущением, что его, Вик-

тора Хорста, низвели до партнера по скандалу для какой-то выскочки. Он увидел в ее спокойствии затаенную обиду, и это, парадоксально, задело еще сильнее. Не его гений, а его слабость стала центром внимания. Неполноценность – чувство, которое он презирал больше всего на свете, – неприятно кольнуло где-то под ребрами.

Интервью прошло гладко, слишком гладко. Она принимала его извинения с вежливой отстраненностью, не давая ни единого шанса ни на жалость, ни на снисхождение. Он чувствовал себя актером в чужом спектакле. И чтобы избавиться от этого гадкого чувства, чтобы снова взять контроль, после эфира, когда камеры погасли, он предложил ей пройтись.

Ночной город принял их в свои объятия. Неоновые огни скользили по ее лицу, по алому платю, по блестящим волосам. Они шли молча, и в этой тишине, вдали от судящих глаз, он вдруг увидел ее по-другому. Не как жертву, не как противника. Он увидел в ней отражение – ту же скрытую интенсивность, ту же стальную волю под внешней оболочкой. Что-то в ее молчаливом присутствии резонировало с его собственной сутью. Ощущение сходства было почти физическим, внезапным и оглушающим. И тогда, повинаясь импульсу, который он сам не до конца понял – то ли желание обладать этим отражением, то ли уничтожить его, слившись с ним, – он притянул ее к себе и поцеловал. Резко, властно, без предупреждения. Первый поцелуй под равнодушным светом уличных фонарей.

А потом началось безумие. То, что последовало за этим поцелуем, заставило бы позеленеть от зависти самых избалованных принцесс из сказок. Мир узнал, что Виктор Хорст умеет не только уничтожать, но и возносить до небес. Он обрушил на Эмили всю мощь своего гения, но теперь – гения соблазнения.

Каждое утро к ее порогу доставляли не просто букеты – а целые фрагменты райских садов: сотни редчайших орхидей, поляны ландышей, деревья, усыпанные экзотическими цветами, которые цвели лишь одну ночь. Рестораны? Он закрывал для них лучшие заведения города, где играл симфонический оркестр, исполняя музыку, написанную специально для нее этой ночью. Подарки? Он дарил ей не бриллианты – он дарил звезды, называя ее именем только что открытые небесные тела через свои связи в обсерваториях. Он мог прислать за ней частный самолет, чтобы отвезти на ужин на другой конец света, просто потому что она вскользь упомянула, что любит закаты над определенным океаном. Он устраивал для нее приватные показы еще не вышедших фильмов, закрытые выставки в музеях посреди ночи, серенады под ее окном в исполнении всемирно известных теноров.

Он появлялся внезапно, всегда эффектно. Мог остановить движение на оживленной улице, чтобы просто перейти дорогу и вручить ей одну-единственную, но идеальную розу. Мог засыпать весь ее квартал лепестками с вертолета. Он посвящал ей главы в своих новых набросках, читая их

только ей одной хриплым шепотом по ночам. Это было не ухаживание – это была осада, блицкриг, тотальное завоевание ее мира. Каждое его действие кричало: «Смотрите! Вот как любит настоящий мужчина! Вот как он боготворит свою женщину!».

Другие женщины? Они кусали губы от зависти, читая об этом в светской хронике, видя отблески этого великолепия в новостях. Они шептались на приемах, мечтая оказаться на ее месте, получить хотя бы сотую долю этого обжигающего, безумного внимания от такого мужчины. Быть избранной им, быть центром его вселенной, пусть даже такой опасной и непредсказуемой. Это была сказка, воплощенная в жизнь, но написанная не пером романтика, а стальным стилем гениального манипулятора, знающего все струны женской души и все болевые точки человеческого тщеславия. Он возводил ее на пьедестал перед всем миром, и мир, затаив дыхание, наблюдал за этим грандиозным спектаклем страсти.

Воспоминания о их романе заставило нейромедиаторы мозга выделить Эмили наркотический выброс эндорфинов. Пыльное окно такси мелькало серыми, размытыми пятнами городских зданий, но для Эмили мир за стеклом словно перестал существовать в своей привычной реальности. Он пульсировал и переливался, каждый блик на мокром асфальте казался россыпью бриллиантов, каждая выхлопная труба пела осанну ее предвкушению.

Воспоминания об их знакомстве проносились в ее голове

не связной историей, а скорее калейдоскопом ярких вспышек, похожих на световые эффекты на рейве. Вот его рука случайно касается ее – и по телу пробегает электрический разряд, оставляющий ожог блаженства. Вот его голос – низкий, чуть насмешливый – произносит ее имя, и все звуки мира меркнут, превращаясь в фоновый шум. Вот его глаза – темные, пронзительные, смотрящие будто сквозь нее – и она чувствует себя одновременно обнаженной и избранной, словно божество обратило на нее свой взор. Реальные детали – его возможная снисходительность, краткость их встреч, его вечная занятость – стирались, тонули в этой всепоглощающей волне восторга, который бурлил в ней, как шампанское, делая ее легкой, почти невесомой, и совершенно слепой ко всему остальному.

Таксист что-то пробурчал себе под нос, сворачивая на неприметную улочку. Машина остановилась у здания, которое любой другой назвал бы заурядным: обшарпанный фасад, выцветшая вывеска «Кафе “Уют”» с отвалившейся буквой, пара пластиковых стульев на тротуаре, сиротливо мокнувших под мелким дождем. Но для Эмили это место сияло аурой святилища. Обыденность испарилась, замененная магией его присутствия. Ведь он был там, внутри. Тот, кто одним своим существованием превращал серую воду под ногами в зеркало, отражающее ее собственное, до смешного преувеличенное, счастье.

Она выпорхнула из такси, сунув водителю смятые купю-

ры, даже не взглянув на сдачу. Ее движения были порывистыми, немного неловкими, словно тело едва поспевало за ликующей душой. Она поправила платье, пригладила волосы – жесты, полные скорее ритуального трепета, чем реальной заботы о внешности. Сердце не просто колотилось – оно грохотало, отбивая бешеный ритм где-то в ушах, заглушая шум улицы.

Через мутноватое стекло она увидела его. Он сидел за столиком в глубине зала, спиной к ней. Идеальная линия плеч под дорогим темным кашемиром, неподвижный профиль, рука лениво лежит на столешнице. Даже со спины он излучал ауру значительности и некоторой отстраненности, которая лишь подхлестывала ее щенячий восторг. Она замерла на мгновение, собираясь с духом, как прыгун перед прыжком в пропасть блаженства. Затем, с улыбкой, которая растянула ее губы почти до ушей и обнажила десны, она толкнула тяжелую, скрипнувшую дверь.

Внутри пахло вчерашним кофе и чем-то кислым. Тусклый свет единственной лампы едва разгонял полумрак. За стойкой скучала бариста с равнодушным лицом. Но Эмили не замечала ни запахов, ни убогости интерьера, ни липкого пятна на полу, к которому чуть не приклеилась подошва ее туфельки. Ее взгляд был прикован к нему.

Он повернул голову – медленно, без тени нетерпения или радости. Его лицо, красивое и холодное, как мраморная статуя, не выражало ничего. Ни улыбки, ни приветия. Лишь вни-

мательный, почти препарирующий взгляд, скользнувший по ней сверху вниз. Он не встал. Не пододвинул стул. Просто кивнул в сторону пустого места напротив, словно вызывая подчиненного на доклад.

Сияя своей неуместной, экстатической улыбкой, Эмили проскользнула между столиками и опустилась на черный диванчик. Ее колени дрожали. Она смотрела на него во все глаза, ожидая слова, жеста, чего угодно, что продлило бы ее эйфорию. Но он молчал, продолжая изучать ее с той же отстраненной сосредоточенностью. В его взгляде теперь не было тепла любовника, скорее – пристальный интерес исследователя к подопытному объекту. Или, может быть, режиссера, оценивающего грим и костюм актрисы перед началом съемки важной сцены.

Тишина затягивалась, становясь почти физически ощутимой. Для любого другого человека она была бы неловкой, даже унижительной. Но Эмили, опьяненная своим чувством, интерпретировала ее по-своему: как знак глубины, как невысказанную значимость момента. Она была готова ждать вечность.

Наконец, он прервал молчание, но не словами приветствия. Он наклонился и плавно, без видимых усилий, поднял с соседнего стула предмет, который до этого момента ускользал от ее затуманенного обожанием взгляда. Большую, прямоугольную коробку, обтянутую матовым черным бархатом, на крышке которой золотом горел логотип всемирно извест-

ного, баснословно дорогого модного дома. Виктор с видом режиссера, представляющего ключевой реквизит, поставил перед Эмили коробку от кутюр. Он небрежно, но точно водрузил ее на липкую столешницу между ними, создавая физический барьер и одновременно фокусную точку. Его жест был лишен всякой интимности; это было четкое, выверенное действие человека, вводящего в игру новый, важный элемент. Элемент, который должен был изменить все. Или, по крайней мере, так казалось Эмили, чье сердце пропустило удар от одного вида этого роскошного объекта.

Матовый черный бархат коробки, идеальный, без единой пылинки, казался инородным телом на липкой, испещренной кругами от старых чашек столешнице. Золотое тиснение логотипа – имя, которое шептали с придыханием на глянце-вых страницах и в сверкающих бутиках – здесь, в убогом полумраке кафе с запахом прокисшего молока и дешевого табака, выглядело почти абсурдно, как бриллиантовое кольцо на шее уличной нищенки.

Эмили смотрела на коробку, широко раскрыв глаза. Ее дыхание стало прерывистым, поверхностным. Улыбка, до этого момента экстатически-глуповатая, застыла на ее лице, превратившись в маску изумления. Она даже не пыталась прикоснуться к ней, словно боялась осквернить этот артефакт из другого, недостижимого мира одним своим касанием. Весь ее восторг, вся ее наркотическая эйфория теперь сконцентрировались на этом неожиданном, ослепительном

объекте. Мир сузился до размеров этой черной бархатной коробки. Затертый диванчик, на котором она сидела, скрипучая дверь, равнодушная бариста – все это снова исчезло, поглощенное сиянием невидимого содержимого.

Виктор некоторое время молча наблюдал за ее реакцией, его взгляд был острым и внимательным, как у энтомолога, изучающего поведение редкого насекомого под воздействием нового стимула. Затем он перевел взгляд на ее простое ситцевое платье – чистое, но безнадежно далекое от того мира, символом которого была коробка. Его губы чуть скривились, словно он прикидывал диссонанс в кадре.

«Вот,» – сказал он наконец, его голос ровный, лишенный эмоций, словно он диктовал ремарку к пьесе. Он небрежно махнул рукой в сторону коробки, но взгляд его оставался прикован к Эмили. «Твои старые вещи...» – он снова окинул ее платье оценивающим взглядом... – «...не подходят для завязки». Слово "завязка" прозвучало странно, неуместно в обычной беседе, но Эмили даже не заметила этого, она, с виду, была будто загипнотизированная его голосом и блеском золотых букв на коробке. «У моей Авроры...» – он на мгновение запнулся, словно случайно проговорился, и тут же поправился с едва заметной тенью нетерпения, – «...то есть, у тебя, должен быть стартовый образ, показывающий контраст. Это платье – начало».

Ее щеки залил румянец восторга, глаза заблестели еще ярче, почти лихорадочно. Она вцепилась взглядом в его лицо,

ожидавая продолжения, жадно ловя каждое слово.

А он сидел напротив, в своем безупречном кашемире, среди липких столов и затхлого воздуха, и говорил о высокой моде и структуре повествования, положив перед ней сокровище, которое стоило больше, чем все ее имущество вместе взятое. Контраст был разительным, почти гротескным. Роскошь и убожество. Холодный расчет и пылкая, слепая страсть. Режиссер и его невольная актриса, еще не знающая своей роли. И во взгляде Виктора на мгновение мелькнуло что-то похожее на удовлетворение – не от ее радости, а от того, что реакция была именно такой, какой он и ожидал. Нужный эффект достигнут. Сцена идет по плану.

Щеки Эмили, до этого пылавшие румянцем чистого, незамутненного восторга, на мгновение стали чуть бледнее. Слова Виктора – «стартовый образ», «завязка», «начало» – эхом отдавались в ее голове, но их смысл ускользал, растворяясь в тумане обожания. Она все еще смотрела на него с преданностью щенка, но в глубине ее расширенных, блестящих глаз мелькнула тень растерянности, как рябь на воде от внезапно упавшего камня. Это было... странно. Он говорил о ней, но как-то отстраненно, будто обсуждал персонажа из книги или фильма. Ее «старые вещи»... ее простое ситцевое платье, которое она выбирала с таким трепетом этим утром, вдруг показалось ей не просто скромным, а каким-то неправильным, неуместным артефактом из прошлой жизни, которую он одним своим решением объявил неподходящей.

Эмили медленно, почти неосознанно, протянула руку – не чтобы схватить, а, скорее, чтобы удостовериться в реальности этого объекта, такого чужеродного здесь. Ее пальцы замерли в сантиметре от прохладной, гладкой поверхности. Внезапный подарок такой невероятной ценности в этом дешевом кафе, после его почти холодного приветствия... Что-то в этом было неправильно. Что-то не сходилось. Это было слишком грандиозно, слишком внезапно, слишком... безлично. Это не было похоже на теплый, интимный жест влюбленного мужчины. Это было похоже на... реквизит. На что-то, что нужно для сцены.

Она быстро отдернула руку, словно обжегшись о невидимый холод. Ее взгляд метнулся от коробки к его лицу – такому же спокойному, наблюдающему, непроницаемому. И слова вырвались сами собой, тихим, почти неслышным шепотом, полным неосознанной тревоги.

«Оно красивое, но...» – слова вырвались у нее тихим, неуверенным шепотом, который тут же замер в воздухе, словно тонкая льдинка, готовая вот-вот треснуть под тяжестью повисшей паузы. Ее вид влюбленной девушки резко изменился. Минуту назад летающая на облаках влюбленная девушка сейчас сидела, сжавшись в стул, ее пальцы судорожно комкали ситец платья, взгляд метался между непроницаемым лицом Виктора и ослепительной черной коробкой, которая теперь казалась не столько подарком, сколько тяжелым, непонятым обязательством. На ее лице явно чита-

лось смятение, смешанное с инстинктивным желанием уго-
дить, не нарушить хрупкую гармонию момента, которая, как
она только сейчас начала смутно ощущать, была целиком и
полностью в его руках. Видно было, как она борется с под-
ступившим дискомфортом, пытаясь сохранить хотя бы тень
прежней восторженной улыбки, но получалось плохо – уголки
губ дрожали, а в глазах плескалась тревога.

Виктор позволил тишине растянуться ровно настолько,
чтобы ее неуверенность стала почти осязаемой, как сырость
в этом убогом помещении. Он наблюдал за ней с присталь-
ным, немигающим вниманием, которое не имело ничего об-
щего с нежностью или даже простым интересом. Это был
взгляд экспериментатора, фиксирующего реакцию подопыт-
ного существа на введенный реагент. Затем его губы тронула
едва заметная, холодная усмешка – не улыбка, а скорее знак
того, что он предвидел именно такую реакцию, и она его ни-
чуть не трогает.

«Никаких "но"!» – отрезал Виктор. Его голос прозвучал
резко, как щелчок хлыста, мгновенно обрывая ее робкое воз-
ражение. В нем не было и намека на гнев или раздражение –
только ледяная, абсолютная уверенность в своем праве дик-
товать условия. Его глаза сверкнули холодом исследователя,
лишенного всяких сантиментов, для которого чувства объ-
екта не имеют никакого значения, важен лишь результат. Он
слегка наклонился вперед, опираясь локтями на липкую сто-
лешницу, и его взгляд впился в Эмили, заставляя ее вздрог-

нуть и опустить глаза.

«Я решаю, какой ты будешь!» – продолжил он тем же ровным, безапелляционным тоном, каждое слово падало в тишину, как тяжелая капля ртути. Он сделал едва заметный жест рукой, словно отметая все ее возможные сомнения и саму ее личность. «Характер должен быть цельным!» – произнес он с нажимом, словно цитируя какой-то неведомый ей учебник по драматургии или психологии манипуляций. По тому, как он отчеканивал слова, становилось ясно: речь идет не о ее реальном характере, а о некоем образе, который он конструирует.

Эмили подняла на него испуганный, непонимающий взгляд. В ее глазах читался вопрос: «О чем ты? Какой характер? Какой я буду?». Но она не смела произнести это вслух. Его властный тон, его холодный взгляд парализовали ее волю.

«Ты должна соответствовать замыслу», – Виктор произнес это слово – «замысел» – с особым значением, почти благоговейно, как будто говорил о чем-то великом и непреложном, частью которого ей выпала сомнительная честь стать. Для него этот «замысел» явно был важнее ее чувств, ее желаний, ее самой. Он снова указал подбородком на коробку, а затем перевел взгляд на ее лицо, словно сверяя реакцию с ожидаемой. «Забудь свои "нравится", они портят чистоту эксперимента!».

Если бы их встреча была сценой из фильма, или главой

любовного остросюжетного романа, зритель, или читатель, несомненно, испытал бы острый когнитивный диссонанс. Еще вчера, казалось бы, Виктор был воплощением мечты: внимательный, щедрый, угадывающий желания, создающий вокруг Эмили атмосферу исключительности и волшебства. Идеальные свидания, дорогие подарки, слова восхищения – он строил для нее глянцевый мир, в котором она была принцессой. Как могло случиться, что тот самый человек, который еще недавно с восторгом принимал любую ее причуду, теперь холодно отчитывает ее за несовпадение с неким «замыслом»? Что заставило сказочного принца обернуться строгим, почти безжалостным режиссером, для которого она – лишь материал?

Ответ крылся в той самой неделе, что выпала из его идеального сценария. Эмили стала для него игрушкой, драгоценной, любимой, но все же – игрушкой. Он игрался, создавая ей «лучшую жизнь», наблюдая за ее реакциями с удовлетворением кукловода, дергающего за нужные ниточки. И он был по-настоящему счастлив – не ее счастьем, а своим – счастьем от того, что все идет точно по его плану, что она чувствует и испытывает именно то, что он хотел, что она полностью поддается его влиянию, отражая его величие и щедрость.

Но стоило ей пропасть на неделю, выбиться из графика его срежиссированных эмоций, как все изменилось. Ее объяснения – «очень важные дела», «плохое настроение», жела-

ние «побывать самой с собой» – для него были не более чем досадным сбоем программы. Он не мог и не хотел понимать ее потребность в личном пространстве или временном уединении. Для него это было неповиновение, нарушение контракта, где она – объект его творения – вдруг проявила собственную, несанкционированную волю. Его эго, привыкшее к полному контролю, было уязвлено. И он обозлился. Не просто расстроился, а именно обозлился – холодной, расчетливой злостью собственника, чья вещь посмела вести себя не так, как ожидалось.

И вот результат этой злости. Он обещал ей крутое свидание после небольшой разлуки, и будто бы назло, в качестве наказания за ее недельное предательство, привел ее в самое убогое кафе в городе. Липкие столы, запах прогорклого масла, тусклый свет – это была его демонстрация власти. Он мог как вознести ее до небес, так и низвергнуть в грязь одним своим решением. Это был первый шаг его нового «замысла» – сломать ее прежнюю уверенность в его любви и начать лепить заново, уже под жестким, неприкрытым контролем.

А Эмили... судя по ее широко раскрытым, испуганным глазам и растерянному выражению лица, она все еще не понимала истинной подоплеки происходящего. Она выглядела совершенно сбитой с толку, как человек, которому только что сказали, что земля квадратная. По тому, как Эмили широко распахнула глаза, наполненные немимым ужасом и непониманием, было очевидно: она оказалась в совершенно

чуждом, пугающем мире, где привычные слова обрели зловещий, искаженный смысл. Ее лицо, еще недавно сияющее, теперь выглядело бледным и растерянным, словно у ребенка, заблудившегося в темном лесу. Она инстинктивно отодвинулась на скрипучем диванчике, создавая между собой и Виктором крошечное, почти иллюзорное пространство безопасности. Ее дыхание стало поверхностным, прерывистым.

Виктор заметил ее реакцию – не ту покорность, которую он ожидал, а зародыш паники. Это лишь подстегнуло его холодную решимость. Он не мог допустить, чтобы его материал проявлял признаки самостоятельного мышления или, хуже того, страха перед ним, а не благоговения перед его замыслом. Нужно было немедленно усилить давление, сломать остатки ее воли, пока они не окрепли.

Он снова наклонился вперед, его присутствие стало почти физически ощутимым, вторгающимся в ее и без того хрупкое личное пространство. Его голос, поначалу ровный, но с отчетливыми стальными нотками, начал резать тишину.

«Так вот, Эмили», – начал он, глядя ей прямо в глаза, его взгляд был тяжелым, пригвождающим. «Раз уж мы говорим о замысле... он требует немедленного воплощения. Никаких отсрочек. Никаких потом. Ты сейчас же отменяешь все свои жалкие планы на сегодня, какими бы они ни были».

На лице Эмили отразилось слабое подобие протеста, она едва заметно качнула головой, ее губы беззвучно шевельнулись, словно пытаясь вытолкнуть слово «но» или «я не мо-

гу».

«У меня... у меня были дела», – пролепетала она еле слышно, голос дрожал, как натянутая струна. Видно было, каких усилий ей стоило произнести даже эту простую фразу.

Виктор усмехнулся – короткий, злой звук без капли веселья. «Дела? Какие у тебя могут быть дела важнее этого?». Он презрительно кивнул на коробку, словно это был не подарок, а улика против нее. «Важнее нашего будущего? Важнее того, что я для тебя приготовил?».

Он повысил голос, и теперь в нем зазвучала неприкрытая, ледяная ярость. «Мы едем к тебе. Сейчас же. Ты примеришь это платье. Мы посмотрим, как оно сидит. Мы начнем создавать образ. Немедленно!».

«Но... зачем ко мне? Может, позже? Или где-нибудь еще?» – ее голос был тонким, как паутинка, готовая порваться. В ее глазах стояли слезы, она отчаянно моргала, пытаясь их сдержать. Но Виктору было все равно, ведь он хотел войти в ее личное пространство, стереть его в пыль, вторгнуться туда, чтобы окончательно утвердить свою власть. И из-за того, что какая-то скромная простушка не хочет ему поддаться, как все другие, с которыми он раньше встречался, взбесило его окончательно, как тогда, на презентации.

Он ударил ладонью по столу. Не сильно, но звук получился резким, отвратительным в этой гнетущей тишине. Посуда на столе дребезгнула. Эмили вздрогнула всем телом и вжалась в спинку дивана так сильно, что казалось, хотела слить-

ся с потертым кождаменителем.

«Зачем?!» – заорал он, и несколько посетителей за соседними столиками испуганно обернулись. Но Виктору было плевать. Его лицо исказилось от гнева, превращая его из красивого мужчины в уродливую маску ярости. «Ты еще спрашиваешь "зачем"?! Ты смеешь спрашивать меня "зачем"?!».

Он вскочил на ноги, нависая над ней. Эмили съежилась под его взглядом, закрыв лицо руками, плечи ее мелко дрожали. Она была похожа на затравленного зверька, загнанного в угол.

«Ты сама во всем виновата! Ты!» – его голос гремел, отскакивая от грязных стен. «Ты думаешь, я хотел этого?! Думаешь, мне нравится сидеть в этой дыре?! Думаешь, мне приятно видеть твое кислое, непонимающее лицо?!».

Он сделал паузу, чтобы его слова впились в нее поглубже, затем продолжил, понизив голос до яростного, шипящего шепота, что было еще страшнее крика:

«Это ты меня довела! Своим поведением! Своей неделей молчания! Ты хоть представляешь, что я чувствовал, когда ты не отвечала?! Когда ты кормила меня этими жалкими отписками про "важные дела" и "плохое настроение"?!».

Он снова повысил голос до крика: «Отвечала бы ты мне сразу! Нормально отвечала! Как должна! Ничего бы этого не было! Мы бы сейчас сидели в лучшем ресторане города! Я бы дарил тебе это платье с улыбкой! Но ты все испортила! Ты разрушила гармонию! Ты показала свое неуважение! Свое

наплевательское отношение!».

Он обрушивал на нее обвинения, как камни. Это был классический газлайтинг, перекалывание вины в самой жестокой форме. Эмили уже не пыталась возражать. Она тихо плакала, уткнувшись лицом в ладони, ее тело сотрясало от беззвучных рыданий. Она выглядела абсолютно раздавленной, беззащитной и потерянной. Все ее пьяное от счастья настроение рушилось на глазах под градом его ярости и обвинений.

«Так что никаких "но"! Никаких дел! Никаких позже!» — прорычал Виктор, наклоняясь так низко, что она чувствовала его горячее, злое дыхание. «Мы едем к тебе. Сейчас. И ты сделаешь все, как я сказал. Ты поняла меня?! Ты. Поняла. Меня?!».

Он требовал ответа, но Эмили могла только слабо кивнуть сквозь слезы, не в силах поднять на него взгляд. Ее сопротивление было сломлено. Виктор был доволен, ведь видел в ней, что хотел: страх перед его гневом, смешанный с чувством вины, которое он так искусно в ней посеял... он видел ее полностью парализованную. Монстр сбросил маску и видел, как его жертва напугана, чтобы даже подумать о бегстве. Он ловил не мысленный для здорового человека кайф, что девушка, от которой сходят с ума парни, была готова ему подчиняться.

И хоть не все шло так, как Виктор планировал, но он умел быстро анализировать ситуации и подстраиваться под них.

Прямо сейчас любой посмотревший на Эмили захочет вышвырнуть Виктора из ресторана, а ее долго и трепетно жалеть, но уже в 12 часов ночи, когда бархатная тьма обволакивала ее комнату, на лице Эмили, утопающая в объятиях Виктора, расцветала маска блаженства – такая чистая, такая обманчиво безмятежная, словно вытканная из лунного света и забвения. Глядя на нее, прильнувшую к его телу, словно к единственному спасительному острову в бушующем океане, невозможно было поверить, что всего 12 часов назад ее душа была растоптана, ее воля сломлена, ее сама суть подвергнута жесточайшей эмоциональной вивисекции. Она казалась фарфоровой куклой, которой неведомы трещины, оставленные на ее поверхности безжалостной рукой. Будто ластиком невидимой силы, из ее памяти было будто стерто воспоминание о том, как Виктор после ее едва слышного отказа, ударил ее ладонью по лицу. Она будто забыла, как почувствовала во рту вкус своей крови, смешавшийся с горечью непролитых слез.

Она будто забыла, как Виктор с непроницаемым лицом властелина мира, небрежно отсчитывал купюры девушке-баристе, чьи глаза метались, полные страха и жадности. Пара мгновений, шелест банкнот, тихий приказ – и вот уже запись с камер наблюдения, немой свидетель его животной ярости, испаряется, словно ее и не было. Деньги. Этот всемогущий инструмент, которым Виктор перекраивал реальность по своему усмотрению, стирая неудобные факты, поку-

пая молчание, создавая иллюзии. Одним движением, одним презрительным взмахом кошелька он аннигилировал только что совершенное насилие, вычеркнул его из хроник бытия, оставив лишь фантомную боль на ее щеке и звенящую пустоту в ушах. Он был не просто мужчиной рядом с ней – он был демиургом ее крошечной вселенной, хозяином ее судьбы, ее страхов, ее настоящего и будущего.

Она будто бы забыла о поездке в такси. О давящей, свинцовой тишине, нарушаемой лишь урчанием мотора и его ровным дыханием. Он велел ей молчать. Не потому, что был зол – нет, злость была инструментом, который он уже использовал и отложил в сторону. Он велел молчать, потому что его разум был занят. Занят не ей, не ее унижением, не ее болью. Он думал о своей рукописи. О словах, которые лягут на бумагу, о сюжете, в котором она, Эмили, уже играла главную роль – роль жертвы, марионетки, объекта его изощренных психологических экспериментов. Ее реальные слезы должны были стать чернилами для его вымышленных страданий. Ее дрожь – вдохновением для описания чужого ужаса. В этой тишине он уже предвкушал, как ее растоптанная душа расцветет на страницах его будущего бестселлера.

Она будто забыла, как Виктор, едва переступив порог ее квартиры, прошел к ее гардеробу с видом завоевателя, ступающего на покоренную землю, и как его руки, те самые руки, что сейчас нежно обнимали ее, безжалостно вышвыривали ее вещи – ее платья, блузки, свитера, каждый из кото-

рых хранил частичку ее самой, ее воспоминаний, ее скромных радостей. Вещи летели на пол, как мусор, как ненужный хлам. И когда она попыталась возразить, ее снова встретила его ладонь. Второй удар. Не такой яростный, как первый, но оттого не менее, а может, и более страшный – холодный, расчетливый, утверждающий его абсолютную власть. «Выброси все это на помойку» – прошипел он, и его голос был подобен зимнему ветру. А потом – пачка денег, брошенная ей в лицо. Небрежно, словно подачка. «Купишь то, что завтра утром придет моя помощница. Ты достойна лучшего».

А сразу после этого многочасовой череды унижений Виктор обрушил на нее лавину нежности. Ледяная маска спала, и перед ней предстал другой Виктор – страстный, пылкий, кающийся. Он прижимал ее к себе, шептал слова любви, будто прямо в душу, словно вливая в нее сладкий яд. Он говорил, что любит ее так сильно, так отчаянно, что теряет контроль. Что все это – и пощечины, и уничтоженная одежда, и его гнев – все это было сделано ради нее. Чтобы она стала лучше. Чтобы она избавилась от этих "жалких обносок", которые не соответствовали ее истинной красоте. Он говорит, что он мечтает, чтобы она сияла, как бриллиант чистой воды, а не тускло мерцала, как дешевая стекляшка. Он говорил, что она достойна всего самого лучшего, и он даст ей это. Он был мастером, скульптором, а она – драгоценным материалом, который нуждался в его твердой руке, чтобы обрести совершенную форму.

Он знал этот дьявольский механизм. Эмоциональные качели. Он был их виртуозным оператором. Он знал, что после погружения в ледяную бездну страха и унижения, после "ледяного душа" необходимо резкое, обжигающее вознесение на пик эйфории и любви. Что после горечи пощечины сладость поцелуя становится во сто крат пьянящей. Что после акта разрушения акт показного созидания – обещания новой, лучшей жизни, новой, лучшей одежды, новой, лучшей ее самой – действует как мощнейший наркотик. А последующий секс, в котором он старался сделать лучший секс в ее жизни, служил как печать в контракте, по которому она теперь полностью ему подчиняется. Он рассчитал все с математической точностью: доза боли, затем – компенсирующая доза нежности. И глядя сейчас на Эмили, на ее лицо, светящееся почти детской радостью и безграничным обожанием, он видел, что его расчеты верны. Все следы насилия, казалось, испарились, растворились в теплом сиропе его признаний и обещаний.

Виктор ощущал внутри холодное, кристальное удовлетворение. Он знал, на какие невидимые струны души нажимать, какие рычаги дергать, чтобы получить нужную реакцию. Этот механизм был отточен им до совершенства. Не на одной Эмили. На сотнях других девушек до нее. Они были его подопытными кроликами, его холстами, на которых он пробовал новые краски манипуляции. Он не выдумывал сюжеты для своих книг о психологическом насилии, сидя в

тиши кабинета. Нет. Он сначала воплощал их в жизнь. Он ставил эксперименты на живых людях, на их чувствах, на их душах. Он проверял каждую теорию, каждую технику, каждый нюанс сюжета на реальных женщинах, наблюдая за их реакциями с отстраненным любопытством исследователя. А потом, словно фотоаппарат, фиксировал все эти эмоции в своих книгах. Это и был секрет притягательности его книг.

И теперь, чувствуя умиротворенное дыхание Эмили на своей груди, видя ее счастливую улыбку во сне, Виктор испытывал не любовь, не нежность, не раскаяние. Он испытывал чистейший, ледяной восторг триумфатора. Восторг художника, нашедшего идеальный материал. Восторг писателя, получившего наконец недостающий элемент. Этот день, эта череда точно выверенных ударов и ласк, эта сломленная и вновь собранная им кукла в его руках – все это складывалось в идеальную, захватывающую историю для книги. Книги о власти, о подчинении, о тончайших нитях, которыми можно управлять человеческой душой. И он был рад. Дьявольски, хладнокровно рад, ведь его муза была рядом, сломленная и обожающая. И ее эмоциями уже была написана первая глава его нового романа.

Глава 2: Рукопись, потерявшая контроль.

Дни, последовавшие за тем страшным вечером в кафе и той ночью, которая лживо обещала искупление, превратились для Эмили в сюрреалистический, головокружительный калейдоскоп. Ужас и боль, казалось, были заперты в отдельный отсек ее сознания, изолированный, но постоянно пульсирующий глухой угрозой. А на поверхности разворачивалось действие невиданной щедрости и ослепительного внимания со стороны Виктора. Он словно пытался компенсировать свою жестокость, но делал это с таким размахом, что сама компенсация становилась новым, удушающим витком контроля.

Он больше не кричал. Его голос снова обрел бархатные, обволакивающие интонации, взгляд лучился нежностью, а руки были полны даров. Но это была нежность удава, сжимающего кольца все туже, пока жертва не перестанет дышать. Это была забота паука, плетущего вокруг мухи сверкающую, но смертельную паутину. После того, как он физически и морально сломил ее первоначальное сопротивление, пробил брешь в ее защите, он перешел к следующей фазе – тотальному подчинению, закреплению своей власти не грубой силой, а изощренными манипуляциями, превращающими ее жизнь

в роскошную, но герметичную тюрьму.

Началось с цветов. Не букеты – целый грузовик, доверху набитый алыми, как кровь, розами, прибыл к ее скромному дому ранним утром, перегородив улицу и вызвав переполох среди соседей. Это был жест такой оглушительной, такой театральной избыточности, что он граничил с абсурдом. Эмили, ошеломленная, стояла у окна, не зная, как реагировать. Но Виктор, появившийся следом с сияющей улыбкой собственника, уже знал.

«Нравится, любовь моя? Это все для тебя. Чтобы ты знала, как сильно я раскаиваюсь. Чтобы ты чувствовала себя королевой», – промурлыкал он, обнимая ее. А затем, когда первый шок прошел, и она пролепетала слова благодарности, он мягко, но настойчиво потребовал большего. «Скажи мне "спасибо", Эмили. Скажи это тысячу раз. Я хочу слышать, как ты благодарна. Я хочу видеть в твоих глазах, как сильно ты меня любишь после всего. Покажи мне. Докажи». И она, чувствуя себя нелепо, униженно, но боясь вызвать новый взрыв ярости, стояла посреди этого цветочного безумия и повторяла, как заведенная кукла: «Спасибо, Виктор. Спасибо. Я так тебя люблю. Спасибо». Он заставил ее превратить спонтанную радость от подарка в ритуал подчинения, в публичное подтверждение его власти над ее эмоциями. Роскошный жест стал инструментом унижения.

Это был его новый метод: экстремальные контрасты, оглушительные проявления любви, немедленно следующие за

актами контроля или предшествующие им. Он снял для нее роскошную квартиру в центре города, с панорамными окнами и дизайнерским ремонтом. «Ты не можешь больше жить в этой конуре, моя принцесса», – заявил он безапелляционно, словно ее прежняя жизнь была оскорблением для него. Он нанял стилистов, визажистов, которые должны были создать ей «новый образ», соответствующий его статусу. Но выбор одежды, макияжа, даже прически – все утверждалось им лично. Любая ее попытка высказать собственное мнение или предпочтение мягко, но решительно пресекалась: «Доверься мне, милая. Я лучше знаю, что тебе идет. Ты же хочешь выглядеть идеально для меня?». Ее тело, ее внешность становились холстом, на котором он рисовал свой идеал, стирая ее собственные черты.

Эмоциональные качели раскачивались с пугающей амплитудой. В один вечер он мог устроить ей сказочное свидание: полет на частном вертолете над ночным городом, ужин при свечах на крыше небоскреба, где играл струнный квартет только для них двоих. Он осыпал ее комплиментами, говорил о вечной любви, о будущем, о детях, рисовал картины их идеальной совместной жизни, чтобы Эмили пьянела от этой сказки и забывала обо всем, позволяя себе верить, надеяться, таять в его руках. Он пытался наполнить ее сердце эйфорией, благодарностью, ощущением, что вот оно – настоящее счастье, за которое стоило перетерпеть все. А на следующий день он мог превратиться в ледяную статую. При-

чиной могло стать что угодно: неосторожное слово, недостаточно восторженная реакция на очередной подарок, случайный взгляд на другого мужчину, звонок от старой подруги, который она осмелилась принять в его присутствии. Он не кричал, нет. Он использовал пытку молчанием. Отвечал односложно, смотрел сквозь нее, его лицо становилось непроницаемой маской. Или же применял тонкий, ядовитый сарказм, обесценивая ее чувства, ее мысли, ее саму. «Ты опять накручиваешь себя, Эмили. У тебя паранойя? Или тебе просто скучно, и ты ищешь повод для драмы?» – мог бросить он холодно, если она пыталась выяснить причину его перемены. «Я думал, ты умнее. Видимо, ошибся».

Эти приемы Виктор использовал уже десятки раз на своих других музах, по которым писал романы. Они вызывали у них панику, страх снова быть отвергнутой, снова увидеть ту ярость, которую они уже познали, что заставляли их лихорадочно искать причину его ярости в себе. Они прокручивали в голове каждое слово, каждый жест, виня себя во всем. Они начинали извиняться за то, чего не совершали, умоляли его о прощении, обещали быть «лучше», «внимательнее», «попослушнее». И когда Виктор, наконец, «смягчался», одаривал их снисходительной улыбкой или нежным прикосновением, волна облегчения была настолько сильной, что затмевала все остальное, еще крепче привязывая их к этому мучительному циклу. Он дрессировал их, как животных, используя наказание и поощрение, пока их естественные реакции не заме-

нились выученной беспомощностью и отчаянным желанием угодить.

Изоляция для Эмили становилась тотальной. Он убедил ее уволиться с работы. «Зачем тебе эта суета, милая? Я хочу, чтобы ты отдыхала, наслаждалась жизнью. Я позабочусь обо всем», – говорил он, лишая ее последнего бастиона независимости и финансовой самостоятельности. Все ее расходы теперь шли через него. Он выдавал ей деньги, как ребенку, контролируя каждую покупку. Старые друзья исчезли из ее жизни – Виктор находил тысячи причин, почему ей не стоит с ними видаться: они «плохо на нее влияют», «завидуют», «недостаточно умны» или «просто не нашего круга». Он подарил ей новый телефон, «более современный», на котором, как она позже поняла, были установлены программы отслеживания. Он знал, где она находится каждую минуту, с кем говорит, что пишет. Ее мир сузился до размеров их роскошной квартиры и тех мест, куда он решал ее повести.

Он мастерски переписывал ее прошлое и ее восприятие реальности. Когда она, в редкие моменты, пыталась вспомнить или упомянуть его жестокость, он смотрел на нее с искренним недоумением и болью. «Эмили, как ты можешь такое говорить? Я никогда бы не поднял на тебя руку! Ты, должно быть, перепутала с кем-то из своего прошлого. Или, может, тебе это приснилось? Дорогая, меня пугает твое состояние. Может, тебе стоит поговорить со специалистом? Я найду лучшего». Он не просто отрицал факты – он пытался

подрывать веру в собственную память, в собственное здравомыслие, заставляя днями думать: а может, и правда, я схожу с ума? Может, я сама все выдумываю? Этой техниклй га-злайтинга, доведенной до предела, он раз за разом пытался разрушить основу ее личности.

Он контролировал информацию, которую она получала. Ограничивал доступ к новостям, к интернету под предлогом «оградить ее от негатива». Он формировал ее картину мира, где существовал только он – ее спаситель, ее бог, ее единственный источник правды и смысла.

Даже интимная близость стала инструментом манипуляции. После периодов холодной войны или вспышек контролируемой ярости, теперь он редко прибегал к физическому насилию, предпочитая психологическое, но угроза всегда витала в воздухе, он мог быть невероятно нежным, страстным любовником, доводя ее до исступления, создавая иллюзию абсолютного слияния душ. А потом, в момент ее наивысшей уязвимости и открытости, мог бросить фразу, чтобы снова вернуть ее на землю, напомнить о ее зависимости: «Никто никогда не будет любить тебя так, как я. Никто не сможет дать тебе того, что даю я. Ты ведь понимаешь это, да?».

Она перестала быть Эмили. Она становилась его отражением, его творением, куклой в золотой клетке. Ее глаза все чаще были пустыми, улыбка – вымученной, движения – неуверенными. Виктор все четче и четче начал видеть в

ней страх совершить ошибку, сказать не то слово, вызвать его недовольство. Он гордился, что сломал ее волю не одним ударом, а тысячами мелких, точно рассчитанных воздействий, чтобы разрушать ее изнутри, чтобы оставить лишь оболочку, послушную воле своего создателя. Виктор смотрел на свое творение с холодной удовлетворенностью художника, завершившего мрачный шедевр. Материал был готов. Теперь можно было писать дальше. Теперь нужно сделать свой следующий ход – показать всем свою новую игрушку, частью своего романа, который потом читатели будут читать и восхищаться гением лучшего писателя современности, даже не представляя, что Виктор так точно описывает женские эмоции не потому, что гениальный эмпат, а потому что у него есть свой личный живой материал.

Вечер перед их первым совместным выходом в свет – знаковым событием, которое должно было официально представить Эмили как спутницу Виктора в его сверкающем мире – не имел ничего общего с волнительным предвкушением или нежными напутствиями. Вместо этого просторная гостиная их новой, кричаще роскошной квартиры превратилась в репетиционный зал, а сама Эмили – в актрису, застывшую перед деспотичным режиссером.

Она уже была облачена в платье – разумеется, выбранное Виктором. Тончайший шелк цвета полуночного неба облегал ее фигуру, бриллиантовое кольцо, подаренное им накануне, холодно лежало на ключицах. Она сидела на краю огром-

ного дивана из светлой кожи, идеально прямая, руки сложены на коленях. Ее лицо, искусно тронутое макияжем под присмотром присланного Виктором визажиста, было похоже на безупречную маску, лишь глаза, широко раскрытые, следили за ним с напряженным вниманием, лишенным всякого блеска.

Виктор же не сидел. Он мерял шагами персидский ковер, раскинувшийся посреди комнаты, его дорогие туфли бесшумно ступали по густому ворсу. Он был полон энергии, но это была хищная, нервная энергия зверя перед прыжком. Он расхаживал взад-вперед, словно лектор перед аудиторией или тюремщик перед заключенным, жестикулируя резко, рубя воздух ладонью, подчеркивая свои слова. Это был не инструктаж. Это была настоящая читка роли, вдалбливание сценария, от которого она не имела права отклониться ни на йоту.

«Итак, слушай внимательно, Эмили. И запоминай. Повторять я не буду, – начал он, остановившись напротив нее, его взгляд был тверд и холоден, как сталь. – Сегодняшний вечер – это не просто вечеринка. Это презентация. Твоя презентация. И, что более важно, – он сделал паузу, ткнув пальцем себе в грудь, – моя. Все будут смотреть на тебя. Оценивать. Обсуждать».

Он снова заходил по комнате, его голос набирал силу, становясь почти звенящим от напряжения. «Твоя задача – быть идеальной. Не просто красивой – это мы уже обеспечи-

ли, — он окинул ее оценивающим взглядом, от которого она невольно съежилась, — но безупречной во всем. В каждом движении, в каждом слове, в каждой улыбке».

Он подошел ближе, наклонился, его лицо оказалось в нескольких дюймах от ее. Она не отводила глаз, но ее дыхание стало поверхностным, почти незаметным. «Улыбка, Эмили, — прошипел он. — Не эта твоя испуганная гримаса. Легкая, загадочная, довольная. Как будто ты знаешь секрет, который недоступен остальным. Как будто ты самая счастливая женщина в мире рядом со мной. Репетируй».

Он выпрямился и отошел, наблюдая. Она послушно попыталась улыбнуться, но губы дрогнули, и улыбка вышла натянутой, жалкой.

«Нет! Не так! — рявкнул он, и она вздрогнула всем телом. — Где блеск в глазах? Где расслабленность? Ты выглядишь так, будто тебя ведут на эшафот! Еще раз!».

Он заставил ее репетировать эту улыбку снова и снова, пока на ее щеках не появился легкий румянец от напряжения, а мышцы лица не начали сводить судорогой. Он корректировал угол наклона головы, положение рук, даже то, как она должна держать бокал с шампанским.

«Разговоры, — продолжил он свою тираду, снова начиная расхаживать. — Ты будешь говорить только тогда, когда я дам тебе знак. Или, когда к тебе обратятся напрямую. Ответы — короткие, вежливые, общие. Никаких мнений. Никаких историй из твоей прошлой жизни. Ты поняла? Ни слова о твоей

работе, твоих старых друзьях, твоих интересах. Если спросят, чем ты занимаешься, – ты отвечаешь: "Я наслаждаюсь жизнью и поддерживаю Виктора во всех его начинаниях". Запомнила? Повтори».

Она тихо, почти шепотом, повторила заученную фразу. Ее голос был ровным, лишенным интонаций.

«Громче! Увереннее! Ты должна звучать так, будто сама в это веришь!» – потребовал он.

Она повторила громче, механически.

«Ни с кем не уединяться. Держаться рядом со мной. Если я отхожу – ты ждешь меня там, где я тебя оставил. Не блуждай взглядом по сторонам, как потерявшаяся овца. Смотри либо на меня, либо на собеседника, либо чуть поверх голов. Достоинно».

Он перечислял запреты и предписания, как пункты устава. «Не смеяться слишком громко; Не пить больше одного бокала шампанского, ты должна сохранять ясность ума, чтобы не ляпнуть глупость; Не жаловаться на усталость или неудобную обувь; Не обсуждать искусство, политику. Просто кивай и загадочно улыбайся».

«Ты – мое украшение, Эмили, – произнес он, остановившись и снова впиваясь в нее взглядом. – Дорогое, красивое украшение. И ты должна вести себя соответственно. Любая ошибка, любое отклонение от сценария – и ты меня сильно разочаруешь. А ты ведь не хочешь меня разочаровывать, правда?».

«Хорошо, — кивнул он, казалось, удовлетворенный ее покорностью. — Теперь встань. Пройдись по комнате. Покажи мне, как ты будешь двигаться. Плавно, грациозно, как лебедь, а не как испуганная курица».

Она поднялась на высоких каблуках, которые тоже выбрал он, и сделала несколько неуверенных шагов по мягкому ковру. Ее движения были скованными, будто она боялась оступиться или нарушить невидимые границы.

Виктор цокнул языком. «Расправь плечи! Подбородок выше! Ты королева, черт возьми, а не служанка! Иди сюда».

Он подошел к ней, властно развернул ее плечи, приподнял ее подбородок пальцами. Его прикосновение было холодным, почти безгласным, как к неодушевленному предмету. «Вот так. Запомни это положение. Замри в нем».

Она застыла, как статуя, едва дыша, пока он отходил на несколько шагов, критически ее осматривая. Комната, залитая теплым светом дорогих ламп, казалась огромной и пустой, а тишина звенела от невысказанного страха. Предстоящий светский раут, который должен был стать ее триумфом, превращался в экзамен под дулом пистолета, где ценой ошибки было нечто гораздо большее, чем просто общественное мнение. Виктор хотел, чтобы она поняла, что за любую ошибку он ломает весь ее мир, который сам и контролировал. Остальные девушки боялись этого, и ревели от боли, если это происходило. Ведь, когда рушат твой мир, который тебе не принадлежал, самое простое извиниться перед обид-

чиком, ведь иначе придется строить свой собственный, а на это, к сожалению, не у всех есть силы.

«Ладно, – наконец произнес он. – На первый раз сойдет. Но помни, Эмили, – он снова понизил голос до угрожающего шепота, – ни одного неверного шага. Сегодня ты должна сиять. Ради меня».

Он подошел и властно взял ее под руку, почти силой увлекая к выходу. Репетиция окончилась. Начиналось представление.

Лимузин бесшумно подкатил к парадному входу, залитому светом софитов и вспышками камер. За толстыми, тонированными стеклами мир светского раута казался нереальным, приглушенным спектаклем теней и огней. Внутри автомобиля царила напряженная тишина, нарушаемая лишь ровным гулом двигателя да размеренным дыханием Виктора. Эмили сидела неподвижно, словно фарфоровая кукла, ее пальцы в перчатках из тонкой кожи судорожно сжимали маленький клатч. Ее взгляд был прикован к профилю Виктора, который смотрел прямо перед собой, на приближающийся эпицентр внимания.

Он не повернул головы, когда заговорил. Его голос был спокоен, почти медитативен, но в этой тишине он звучал как приговор. «Итак, сцена "Появление",» – произнес он, словно объявляя название акта в пьесе, которую сам написал и поставил. «Твоя задача предельно проста, но требует абсолютной точности исполнения. Запомни три вещи: молчать,

улыбаться, смотреть на меня с обожанием».

Он сделал паузу, давая словам впитаться в напряженный воздух салона. «Когда двери откроются, и мы выйдем, все взгляды будут на тебе. На нас. Ты не должна выказывать ни страха, ни неуверенности. Ты – чудо. Открытие. Воплощение наивности, чистоты, случайно попавшей в этот искусственный мир. Они должны видеть в тебе не выскочку, а нечто... неземное. Нечто, что мог найти и оценить только я».

Он медленно повернул голову и посмотрел на нее. В его глазах не было тепла, только холодный расчет и полная уверенность в своей власти. Он слегка коснулся ее щеки тыльной стороной ладони, жест, который мог бы показаться нежным, если бы не ледяное безразличие в его прикосновении. «Ты должна быть как чистый лист, Эмили. Безупречно белый лист, на котором я буду писать нашу историю. Историю моего триумфа. Историю моей способности разглядеть бриллиант там, где другие видели лишь пыль. Поняла?».

Его слова были пропитаны не только инструкциями, но и ядовитым туманом газлайтинга. Он видел легкую дрожь ее ресниц, едва заметное напряжение в плечах. «Ты же не нервничаешь, дорогая? – его голос стал вкрадчивым, почти ласковым, что было еще страшнее. – Неужели ты думаешь, что я позволил бы тебе оказаться здесь, если бы не был уверен в твоём успехе? После всего, что я вложил в тебя... В твой образ, в твоё будущее... Ты же не можешь подвести меня сейчас из-за каких-то глупых страхов? Это было бы так...

неблагодарно».

Он снова отвернулся, глядя на приближающиеся огни. «Вспомни, кем ты была еще несколько месяцев назад. Забытая, никому не нужная девочка в своих серых обноски. Разве та Эмили могла бы мечтать оказаться здесь? В этом платье? В этих бриллиантах? Рядом со мной? – он усмехнулся, не поворачиваясь. – Нет. Тебя бы сюда и на порог не пустили. Ты существуешь в этом мире только благодаря мне. Ты – мое творение, моя самая дорогая инвестиция. Игрушка, если хочешь, но самая изысканная игрушка, которую я когда-либо создавал».

Но даже эти слова были у Виктора продуманными заготовками подчинения. Они проникали в души девушек, словно удары, принижающие и стирающие их личности, одновременно привязывающие их к нему чувством искаженной благодарности и тотальной зависимости. Он внушал им, что без него они – ничто, пустое место, и только его воля, его гений давали им право на существование в этом блестящем мире.

«Поэтому никакой самостоятельности, – продолжил он жестко, возвращаясь к инструкциям. – Твое мнение никого не интересует. Твои мысли – тем более. Только улыбка. Кроткая, счастливая улыбка женщины, которая нашла свое место рядом с сильным мужчиной. И взгляд. Полный восхищения. На меня. Всегда на меня. Даже когда будешь говорить с другими, если я позволю, краем глаза ищи меня. Пусть все видят, что ты живешь и дышишь только мной».

Машина остановилась. Шум снаружи стал громче. Фигуры людей, вспышки – все приблизилось, стало реальностью. Виктор положил свою тяжелую руку ей на колено, сжав его чуть сильнее, чем требовалось для простого жеста.

«Не бойся, моя маленькая птичка, – прошептал он ей на ухо, его дыхание было холодным. – Твой хозяин рядом. Просто делай, что тебе говорят, и все будет хорошо. Помни свою роль. Чистый лист. Мое творение. И не смей меня разочаровывать».

Дверца машины открылась, впуская внутрь шум голосов и ослепляющий свет. Представление начиналось. И Эмили, как запрограммированный автоматон, с заученной улыбкой на лице и пустотой в глазах, приготовилась играть свою роль под пристальным взглядом своего создателя и мучителя.

Ковровая дорожка цвета густого бургундского вина казалась бесконечной рекой, впадающей в океан света, звуков и любопытных глаз. Виктор не просто вел Эмили под руку сквозь строй фотографов и репортеров – он нес ее сквозь толпу, как куратор несет бесценный, только что обретенный экспонат, который вот-вот займет центральное место в его тщательно собранной коллекции. Его хватка на ее локте была твердой, собственнической, не допускающей ни малейшего отклонения от предписанного маршрута и поведения. Ее же роль была проста и ужасна в своей простоте: быть идеальным фоном, прекрасным дополнением, молчаливым подтверждением его вкуса и статуса.

Сам Виктор был воплощением мужского идеала, словно сошедшим со страниц модного журнала или античной статуи, ожившей по воле некоего темного божества. Высокий, безупречно сложенный, с той хищной грацией, что заставляет замирать женские сердца. Его идеально сидящий смокинг подчеркивал широкие плечи и узкие бедра. Точеные черты лица – острый подбородок, выдающий непреклонную волю, высокие скулы, прямой нос – казались высеченными из мрамора. Но истинным центром притяжения были его глаза – цвета грозового неба перед бурей, глубокие, умные и одновременно пугающе холодные, способные одним взглядом обезоружить или заморозить. Густые темные волосы были уложены с той нарочитой небрежностью, которая стоит целого состояния и часов работы стилиста. А улыбка... о, эта улыбка! Она могла быть обезоруживающе обаятельной, почти мальчишеской, а могла – хищной, едва заметной, обещающей все что угодно, но только не покой. Это был тот самый тип отточенной, выверенной мужской харизмы, перед которым, как он сам прекрасно знал, многие женщины теряли волю и голову. Он излучал ауру неприступности и абсолютной уверенности в себе, которая одновременно манила и пугала.

И мир вокруг реагировал соответственно. Вспышки фотокамер слепили, превращая толпу в пульсирующее море огней. Репортеры, перекрикивая друг друга, выкрикивали вопросы, большинство из которых были адресованы ему:

«Виктор, пару слов о вашем новом романе!», «Кто эта прекрасная леди рядом с вами?», «Господин, Хорст это ваша новая муза?». Журналы уже мысленно верстали завтрашние обложки: «Загадочная муза Виктора Хорста», «Новая глава в жизни титана», «Виктор Хорст и его прекрасная спутница. любовь или очередной пиар-ход?».

Они действительно были звездами вечера, затмевая всех остальных, их появление было главным событием. В гуще толпы, среди других писателей – как маститых, так и начинающих – их появление вызвало волну перешептываний. В этих шепотках смешивались зависть к его успеху и уверенности, нескрываемое любопытство по поводу его спутницы и, у некоторых, даже плохо скрытый страх перед его влиянием и безжалостностью. Они видели в Эмили не личность, а скорее трофей, еще одно доказательство его всемогущества. Они обсуждали ее красоту, ее очевидную молодость и неопытность, гадая, как долго она продержится в его орбите.

В стороне от основного потока один из матерых «акул пера», циничный журналист светской хроники с многолетним стажем, похлопал по плечу какого-то бледного новичка-писателя, который с восхищением и ужасом смотрел на Виктора. «Смотри на Виктора и запоминай, парень, – пробасил журналист, не отрывая взгляда от Виктора, который как раз одарил толпу своей самой обаятельной и холодной улыбкой. – Если хочешь быть лучшим, веди себя, будто ты лучший. Даже если внутри у тебя пустота и страх. Мир любит

победителей, или тех, кто умеет ими казаться. Виктор – мастер иллюзий. Он не просто пишет книги, он пишет свою жизнь, свой миф. Никто не сделает из тебя звезду, если ты сам не сделаешь. Никто не поверит в твой гений, если ты сам в него не веришь до безумия и не транслируешь это каждой порой своего тела. Никто не скажет, что ты звезда, если ты сам об этом не заявишь во всеуслышание».

А Виктор, словно слыша эти слова или просто инстинктивно зная правила игры, которую сам же и совершенствовал, впитывал это обожание, этот ажиотаж, как воздух. Он чуть заметно кивал в ответ на приветствия, его взгляд скользил по толпе с высоты его положения, не задерживаясь ни на ком конкретно. Его рука властно лежала на талии Эмили, удерживая ее рядом, как драгоценность, которую он выставляет на обозрение, но никому не позволит коснуться.

Эмили же, как и было приказано, играла свою роль безупречно, по крайней мере, внешне. На ее лице застыла легкая, чуть растерянная, но счастливая улыбка. Ее широко раскрытые глаза были устремлены на Виктора с тем самым выражением обожания, которое он требовал. Она была идеальным «чистым листом», прекрасной и загадочной иллюстрацией к его триумфу. Она была экспонатом, выставленным под софиты, и ее единственной задачей было отражать свет своего владельца.

Пройдя сквозь коридор вспышек и гул голосов, они наконец оказались в главном зале, где блеск хрустальных люстр

соперничал с сиянием бриллиантов на дамах, а воздух был пропитан ароматами дорогих духов и едва уловимым напряжением конкуренции и амбиций. Здесь, в эпицентре светской жизни, куда стремились попасть многие, но где правили единицы, Виктор Хорст был не просто гостем – он был центром гравитации. Стоило им войти, как разговоры стихли, головы повернулись, и взгляды, словно мотыльки на пламя, устремились к ним.

Виктор остановился недалеко от входа, позволив толпе немного сомкнуться вокруг них, создавая импровизированную сцену. Его рука все так же властно покоилась на талии Эмили, прижимая ее к себе, демонстрируя свою неоспоримую принадлежность. Он обвел собравшихся медленным, оценивающим взглядом, в котором читалось удовлетворение хищника, знающего свою силу. Затем его губы тронула та самая улыбка – не теплая, не искренняя, а улыбка коллекционера, представляющего публике свое последнее, самое ценное приобретение.

Он чуть приподнял руку, призывая к тишине, хотя она и так уже почти установилась. Голос его прозвучал негромко, но отчетливо, проникая в каждый уголок замершего пространства.

«Господа, дамы...» – начал он, делая театральную паузу и чуть сильнее притягивая к себе Эмили, которая стояла рядом, словно изящная, но безжизненная статуя, с заученной улыбкой и взглядом, прикованным к его лицу. «Позвольте

представить... Моя Галатея!».

Слово «Галатея» прозвучало с особым нажимом, с открытой отсылкой к мифу о скульпторе Пигмалионе, оживившем свое творение. В его устах это было не комплиментом, а констатацией факта – он видел себя творцом, а ее – своим созданием, ожившей статуей, обязанной ему своим существованием в этом мире.

Он окинул Эмили быстрым, почти собственническим взглядом сверху вниз, задержавшись на ее лице, на блеске в глазах.

«Еще необработанный алмаз, разумеется,» – продолжил он с той же улыбкой коллекционера, обращаясь уже ко всей аудитории, но говоря так, словно делился профессиональным секретом с коллегами-оценщиками. – «Но какой потенциал для сюжета, не находите?»

В зале пронесся легкий шепоток. Слово «сюжет» из уст знаменитого писателя Виктора Хорста, примененное к живой женщине рядом с ним, звучало двусмысленно и даже жутковато. Он не говорил о ней как о личности, как о партнере. Он говорил о ней как о материале для творчества, как о персонаже, которого он собирается развивать на глазах у изумленной публики.

«Наблюдать за ее трансформацией будет... увлекательно,» – заключил он, снова переводя взгляд на Эмили, словно оценивая предстоящий объем работ. Он говорил о ней так, будто ее самой здесь не было, будто она была лишь объектом

обсуждения, предметом, чья судьба и развитие полностью зависят от его воли и мастерства. Он превращал ее жизнь, ее адаптацию к этому новому, чуждому миру в публичное зрелище, очередной акт в драме его собственной жизни.

Эмили стояла неподвижно, ее улыбка не дрогнула, взгляд оставался прикованным к Виктору, как он и приказал. Она слышала эти слова, она понимала их унижительный подтекст, но ее лицо оставалось непроницаемой маской. Она была Галатеей, которой не положено иметь чувств или возражений. Она была алмазом, ожидающим огранки. Она была сюжетом, который будет написан его рукой.

В глазах окружающих читалось разное: любопытство, цинизм, у некоторых женщин – тень сочувствия, быстро сменившаяся завистью к ее красоте и положению рядом с самим Хорстом. Мужчины смотрели с интересом ценителей, кто-то – с откровенным восхищением ее внешностью, кто-то – с уважением к Виктору, который в очередной раз доказал свое умение получать все, что захочет. Никто не осмелился задать вопрос или высказать сомнение. Виктор Хорст представил свой новый экспонат, и публика приняла это как данность, как очередной штрих к его легенде. Представление продолжалось, и Эмили, его Галатея, его необработанный алмаз, его живой сюжет, молча играла свою роль в центре этой безжалостной сцены.

В современном мире, где внимание стало самой дефицитной и дорогой валютой, чистый талант редко пробивает себе

дорогу к вершине без мощной артиллерийской поддержки. Успешными зачастую становятся не самые одаренные, а те, кто громче всех о себе заявляет, те, кто умеет плести интриги, создавать шум, заставлять публику – неважно, с восхищением или с ненавистью – обсуждать себя. Это негласный закон игры, сложная маркетинговая стратегия, где личность автора порой значит больше, чем его произведения. Создание мифа, управление репутацией, антирепутацией, провокация – вот инструменты, которыми куется громкая слава.

И Виктор Хорст постиг эту истину досконально. Его путь к литературному Олимпу был вымощен не только страницами бестселлеров, но и тщательно срежиссированными скандалами. Он не просто писал книги – он создавал вокруг себя непрекращающееся шоу. Каждый его новый роман сопровождался появлением новой "музы", новой красивой, часто молодой женщины, которую он выводил в свет, намекая на глубокую связь и источник вдохновения. Но это было лишь частью игры.

Настоящий шум поднимался вокруг того, как он обращался с этими "музами". Виктор не боялся, более того – он культивировал образ абсолютного доминатора. На публике он мог вести себя с девушками подчеркнуто покровительственно, иногда – снисходительно, а порой – почти пренебрежительно, будто они его рабыни, красивые игрушки, не имеющие собственной воли. Он не стеснялся транслировать идею, что в его мире, в его доме, он – единственный хозяин,

а женщины рядом – лишь куклы, призванные украшать его жизнь и подчиняться его правилам.

Огромная часть общества, особенно феминистски настроенная публика и либеральные критики, его за это ненавидела. Его обвиняли в мизогинии, в пропаганде патриархального насилия, в моральном уродстве. Но парадокс заключался в том, что эта ненависть работала на него. О нем спорили, его обсуждали на ток-шоу, о нем писали не только в литературных, но и в скандальных колонках. Людям стало безумно интересно: что же это за монстр, этот Виктор Хорст, который смеет так открыто оскорблять и унижать женщин на публике? Как он ведет себя с ними дома, за закрытыми дверями? Что происходит с его "музами" после того, как он представляет миру следующую?

Любой хайп – это тоже хайп, даже самый грязный. Виктор это прекрасно понимал и виртуозно этим пользовался. Негативное внимание продавало его книги не хуже, а порой и лучше, чем хвалебные рецензии. Он стал воплощением "плохого парня" от литературы, гения со сложным, порочным характером, и этот образ завораживал.

И вот сейчас, на этом блестящем рауте, его заявление о "Галатее", о "необработанном алмазе", его снисходительная улыбка коллекционера – все это было не случайной оговоркой или неловкостью. Это был очередной, тщательно просчитанный ход в его многолетней игре. Но публично унижить и, по сути, втоптать в грязь именно Эмили здесь и сейчас бы-

ло его главной тактической задачей на вечер. Он хотел продемонстрировать нечто большее, чем просто свою власть над конкретной женщиной.

Он хотел послать сигнал всему этому миру – критикам, завистникам, конкурентам, всем тем, кто шептался за его спиной. Он хотел показать: смотрите, даже те, кто потенциально может меня раздражать (а наивность и чистота Эмили, контрастирующие с его цинизмом, вполне могли быть таким раздражителем), даже те, кто гипотетически мог бы иметь свое, альтернативное мнение – все они, рано или поздно, подчиняются моей воле. Я ломаю их и переделываю под себя. Моя Галатея будет такой, какой я захочу ее видеть.

Это была демонстрация абсолютного контроля. Не только над женщиной рядом, но и над ситуацией, над публикой, над своей собственной легендой. Он хотел показать, что все здесь, в его вселенной, контролирует он, и любой, кто посмеет встать на его пути или бросить ему вызов, будет так же публично сломлен и превращен в часть его грандиозного, пугающего спектакля. Эмили была лишь инструментом, живым доказательством его неограниченной власти.

Представление публике "Галатеи" было лишь первым актом. Для Виктора Хорста настоящее, неестественное наслаждение начиналось не под светом софитов, а в тени кулис его тщательно выстроенного мира. После того как волна первого ажиотажа схлынула, и гости разбились на группы, обсуждая увиденное, Виктор, обменявшись парой ничего не значащих

фраз с кем-то из критиков и одарив ледяной улыбкой подбавившего фотографа, наклонился к Эмили.

«А теперь, моя дорогая, тебе нужно пообщаться с моими ближайшими друзьями, – его голос был тихим, почти интимным, но приказ звучал недвусмысленно. – Они вон в той комнате, я тебя с ними познакомлю. Будь мила. Они хотят познакомиться с тобой поближе».

Эмили едва заметно вздрогнула, но послушно кивнула, ее заученная улыбка на мгновение дала трещину, обнажив страх, прежде чем снова встать на место. Она медленно направилась в указанном направлении, чувствуя на себе его взгляд, прожигающий спину.

Виктор проводил ее взглядом, и в его глазах вспыхнул тот самый зловещий огонек предвкушения, который он испытывал все другие разы, когда проделывал этот ритуал. Это было одно из его самых извращенных удовольствий! Отправлять своих "муз", своих временных кукол, в пасть к его ближайшему кругу – группе циничных, пресыщенных мужчин, таких же хищников, как и он сам, пусть и рангом пониже. Он знал, что произойдет дальше. Его "друзья" будут осматривать его новую игрушку, как оценщики на аукционе. Будут любоваться ею с тем особым, сальным блеском в глазах, который он так хорошо знал. А потом начнутся прикосновения. "Случайные", "дружеские" касания руки, плеча, талии... А потом и более смелые – кто-то мог "невзначай" коснуться ее груди, кто-то – шлепнуть или сжать ее задницу,

проверяя "качество". Щупать везде, где им заблагорассудится, под видом восхищения или шутки.

И самое сладостное для Виктора было знание: девушки не смели им отказать. Они застывали, терпели, возможно, пытались изобразить смущение или даже улыбку, потому что знали цену неповиновения. Один неверный шаг, одна жалоба – и Виктор мог лишить их всего: роскошной жизни, внимания прессы, иллюзии значимости, всех тех благ, которые он им давал. Он мог щелчком пальцев вернуть их в ту неизвестность, из которой вытащил, лишив той мимолетной популярности, которую они никогда бы не обрели сами.

Он ловил извращенный кайф от того, что его друзья могли щупать его кукол, рассматривать их, словно товар, но при этом прекрасно понимали – на большее у них нет права. Она – его собственность. Он позволял им прикоснуться к его сокровищу, но только для того, чтобы подчеркнуть свою абсолютную власть. Так он показывал этим парням, кто в их стае главный альфа, кто обладает самыми ценными трофеями и может распоряжаться ими по своему усмотрению. А самих девушек это унижение подчиняло с еще большей силой, ломало их волю, втаптывало их самооценку в грязь.

И он знал, что потом, после таких манипуляций, стоило лишь устроить короткую, но интенсивную "любовную атаку" – подарить дорогой подарок, прошептать пару нежных слов, устроить страстную ночь – и все. Сломанные, униженные, а затем внезапно обласканные, девушки порабощались

окончательно, попадая в ловушку эмоциональных качелей, привязываясь к своему мучителю на всю жизнь или до тех пор. Начиная встречаться с новой музой, Виктор больше не разу не вспоминал предыдущую, зато они не могут от него отойти, как от самого сильного наркотика, от которого ломка идет всю жизнь. И несмотря на все унижения от него, к Виктору они испытывают только любовь и не бывалых размеров ревность, видя его по телевизору с новыми музами.

Не знаю, для кого, но для меня это неудивительно, и не разу не странное, ведь главная функция бессознательного по защите психики – это стирание плохих воспоминаний. Буквально три дня назад мне удаляли зуб мудрости. Боль была адская, несмотря на "тонну" анестезии. Тем вечером я помнил в голове ту боль, которую испытывал, мысленно мог ее еще раз испытать, но на следующий день забыл ее. Даже ради эксперимента пытался вспомнить ее, испытать, и не смог. Бессознательное, то, над чем у человека нет контроля, выжгло те нейроны, в которых записалась информация об этой ужасной боли. А после эмоционального насилия, при котором эмоциональная боль в десятки раз превышает любую физическую, ведь она происходит без конца 24/7, за исключением сна, психика стирает большую часть воспоминаний мук своих палачей, чтобы просто не сойти с ума. Поэтому девушки так часто возвращаются к своим мучителям, потому что просто забывают все то плохое, что они им делали, но помнят все хорошее, из-за чего их любили, ведь

хорошее никогда не забывается.

Виктор медленно отпил шампанское, его взгляд скользил по залу, но мысли были уже там, у камина, с Эмили и его "друзьями". Он радовался предстоящему спектаклю, тому, как он сейчас зайдет к ним, небрежно прервет эту сцену унижения и снова продемонстрирует свою власть – и над ними, и над Эмили.

Он поймал взгляд одного из самых назойливых журналистов из желтой прессы, подозвал его легким кивком. «Скучаете? – Виктор улыбнулся своей самой опасной улыбкой. – Не стоит. Потерпите еще немного. Через пару минут я удивлю вас всех так, как не удивлял никогда. Обещаю, этот вечер будут обсуждать годами».

Сказав это достаточно громко, чтобы слышали и другие репортеры, он развернулся и уверенным, пружинистым шагом направился к неприметной двери из темного дерева с золотой табличкой. В Золотую VIP-комнату, святая святых этого вечера, куда можно было попасть только по личному приглашению Виктора Хорста или его самых доверенных лиц. И откуда нельзя было выйти без его разрешения. Ловушка захлопывалась. Представление переходило в следующую, еще более мрачную фазу.

Виктор подошел к тяжелой дубовой двери Золотой VIP-комнаты с чувством триумфатора, предвкушающего десерт после основного блюда. Этот вечер, тщательно спланированный им, должен был стать еще одним мазком на холсте его

легенды – демонстрацией абсолютной власти, очередным актом в пьесе под названием "Великий и Ужасный Хорст". Он ожидал увидеть привычную картину: его свита, его так называемые друзья, окружают его последнюю "музу", отпуская сальные шуточки, позволяя себе вольности под одобрительным взглядом хозяина положения, пока девушка стоит, сломленная и покорная. Это был его ритуал утверждения доминантности.

Но этот вечер, который должен был стать очередным его "произведением", венцом его манипулятивной стратегии, стал для него самым сильным ударом по самооценке, самым болезненным унижением в жизни. Моментом, когда его раздутое "Я" с оглушительным треском смешалось с плинтусом, когда все, кого он считал ниже себя, вдруг увидели – а король-то голый.

Он повернул тяжелую позолоченную ручку, предвкушая увидеть затравленный взгляд Эмили и самодовольные ухмылки своих приятелей. Дверь бесшумно отворилась.

И Виктор застыл на пороге, как громом пораженный.

Картина, открывшаяся ему, была полной противоположностью его ожиданиям. Комната была наполнена смехом – громким, искренним, почти истерическим. И центром этого смеха была она. Эмили. Та серая мышка, которую, как он был уверен, он выдрессировал до состояния безвольной куклы, сейчас стояла в центре комнаты, непринужденно опираясь на спинку дорогого кресла, с бокалом шампанского в ру-

ке. И это была вовсе не мышка.

Перед ним была дикая, опасная гиена, или, может, язвительная сирена, опьяняющая своей дерзостью. В ее глазах плясали черти, на губах играла ядовито-сладкая улыбка, а вся ее поза излучала уверенность и какой-то новый, раскованный магнетизм. Она была веселая, харизматичная, в сто раз сексуальнее, чем та напряженная статуя, которую он вывел на ковровую дорожку всего полчаса назад. Это был совершенно другой человек.

И она не просто веселилась. Она целенаправленно рушила его власть над его же друзьями, рассказывая им то, чего они никогда не должны были узнать. Она делилась секретами его домашней жизни, его слабостями, его смешными и жалкими привычками.

Виктор услышал обрывок фразы, произнесенной ее звонким, теперь уже насмешливым голосом:

«...а потом он три дня не мог найти вдохновение для новой главы, понимаете? Три дня! Ходил по дому в шелковом халате – том самом, который, он думает, делает его похожим на лорда Байрона, а на деле – на стареющего сутенера, – и декламировал вслух собственные старые тексты, видимо, пытаясь вызвать музу методом самоцитирования. Закончилось тем, что он обвинил кота в краже гениальной идеи и полностью гонялся за ним со шваброй, пытаясь убить. Просто прикиньте – обвинил кота в своей неудаче. А на следующий день говорил мне, что он круче Наполеона!».

Взрыв хохота от его "друзей" – Макса, циничного издателя, и Льва, вечно ищущего выгоды продюсера. Они давились смехом, хлопая себя по коленям.

«Серьезно? Виктор и швабра?» – выдавил Макс сквозь смех.

«О, это еще не все! – Эмили сделала глоток шампанского, ее глаза блеснули. – Вы же знаете, как он гордится своим образом неприступного интеллектуала? Так вот, его любимое чтение перед сном – это форум анонимных аквариумистов. Он там под ником "ПовелительГуппи69" спорит до хрипоты о правильном корме для неонов. Говорит, это помогает ему переключить мозг. Наверное, с режима "гений" на режим "знаток рыбьих какашек"».

Снова хохот, еще громче прежнего. Лев едва не упал с диванчика.

«А его железная воля и контроль над всем? – продолжала Эмили, понизив голос до заговорщического шепота, и мужчины подались вперед. – Попробуйте спрятать его любимую серебряную ложечку для йогурта. Просто попробуйте. Вы увидите такого альфу, что будете потом психотерапевту рассказывать. Он способен устроить скандал вселенского масштаба из-за ложечки! Представляете, какой сюжет для его следующего глубокого психологического романа – "Трагедия пропавшей ложки"?»

Она сделала паузу, обводя смеющихся мужчин взглядом, в котором читалось презрение, но не к ним, а к тому, кто

стоял сейчас невидимый в дверях.

«Или вот еще, про его непревзойденное мастерство соблазнителя, о котором он так любит намекать... Знаете, иногда мне кажется, что он больше возбуждается от вида идеально отсортированных по цвету носков в своем ящике, чем от... ну, вы понимаете. Главное – порядок! Даже в сексе у него все должно быть по полочкам. Буквально. Однажды он прервал секс, чтобы поправить свою картину на стене, которая висела не по фэншую. Очень романтично, скажу я вам. У него падал, когда его портрет смотрел на него под кривым углом».

Мужчины уже не просто смеялись, они выли от хохота. Они смотрели на Эмили с восхищением и азартом, как на человека, осмелившегося сказать то, о чем они, возможно, сами боялись даже подумать. Она не просто рассказывала байки – она методично, шутка за шуткой, оскорбляла его мужское эго по самым больным точкам: контроль, гениальность, сексуальность, имидж. Она показывала им не титана Виктора Хорста, а мелочного, смешного, неуверенного в себе человечка в дорогом костюме.

И Виктор стоял в дверях, белый как полотно, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Смех его "друзей", направленный не на его очередную жертву, а на него самого, звучал как похоронный марш по его самолюбию. Его Галатея не просто ожила – она оказалась монстром Франкенштейна, восставшим против своего создателя. И этот монстр был дьявольски

обаятелен и смертельно опасен. Вечер переставал быть его триумфом. Он превращался в его публичную казнь.

Удар был настолько точным и болезненным, что Виктор буквально остоленел. Смех его свиты, который всегда был фоном для его триумфов, теперь бил по нему, как град. Он был настолько сильно унижен, настолько ошеломлен и, да, он вынужден был признать это – настолько сильно боялся этой новой, незнакомой, ядовито-остроумной версии Эмили, что даже испугался сделать шаг вперед. Войти в комнату сейчас означало бы признать свое поражение, стать объектом их общего веселья, которое теперь было направлено не на беззащитную жертву, а на него самого. Его ноги словно приросли к порогу.

И тут Эмили, словно почувствовав его колебания, повернула голову. Ее глаза встретились с его. Насмешливый блеск в них стал еще ярче, улыбка – шире, обнажая идеальные зубы. Она поставила бокал на ближайший столик и плавной, кошачьей походкой направилась прямо к нему. Мужчины в комнате затихли, наблюдая за этой новой сценой разворачивающейся драмы.

«А вот и наш герой вечера! Виктор, дорогой, что же ты стоишь на пороге?» – ее голос звучал сладко, но с едва уловимой издевкой. Она подошла вплотную, вторглась в его личное пространство так смело, как никогда раньше. «Неужели стесняешься? Ну же, заходи, гости ждут».

И, прежде чем он успел среагировать, она взяла его под

руку – не как спутница, а скорее, как заботливая воспитательница, ведущая упирающегося ребенка. Она мягко, но настойчиво завела его в комнату, словно маленького мальчика, который боится войти в гостиную, полную взрослых.

Оказавшись внутри, она не отпустила его. Наоборот, она начала кружить вокруг него, как хищница вокруг добычи, ее движения были плавными, эротичными, она касалась его плеча, проводила пальцами по лацкану пиджака, но в этих прикосновениях не было покорности или желания – была лишь игра, демонстрация контроля. И при этом она продолжала говорить, обращаясь то к нему, то к затихшим мужчинам:

«Вот видите, господа? Наш великий писатель немного... растерян. Наверное, ищет вдохновение для новой сцены? Или просто пытается вспомнить, где оставил свою любимую серебряную ложечку?» – она коснулась кончиками пальцев его подбородка, заставляя поднять голову. – «Не волнуйся, милый, я ее нашла. Я отдам тебе ее, мой маленький потеряшка».

«Эмили, прекрати немедленно!» – прошипел Виктор, его голос был низким и угрожающим, но в нем уже слышались нотки паники, а не уверенности. Он попытался вырвать руку, стряхнуть ее прикосновение, вернуть себе контроль над ситуацией и своим телом.

Но Эмили лишь усмехнулась, ее пальцы легко скользнули с его подбородка к губам. «Тш-ш-ш», – прошептала

она, приложив один изящный палец к его рту, останавливая дальнейшие протесты. Жест был игривым, эротичным в своей дерзости, но одновременно унижительным, как будто она успокаивала капризного ребенка. «Не надо так нервничать, милый. Мы же просто общаемся».

Она убрала палец, но осталась стоять непозволительно близко, ее глаза не отрывались от его.

«Или тебе не нравится, когда твои... музы... высказывают свое мнение? – она снова обвела взглядом его друзей, которые наблюдали за сценой с нескрываемым интересом. – Помнится, ты говорил, что ценишь в женщинах искру, независимость суждений... пока они не начинают судить тебя, да?»

Макс тихо хмыкнул, Лев прикрыл улыбку ладонью. Они больше не боялись показать свою реакцию.

И самое страшное, что увидел Виктор в этот момент, было не ее насмешливое лицо, не ее уверенность, а отражение этой уверенности в глазах его так называемых друзей. Это было не просто веселье от удачной шутки. В их взглядах, направленных на Эмили, читалось нечто новое – уважение. Не показное подобострастие, которое они демонстрировали ему, не расчетливый интерес к его очередной игрушке. Она им реально понравилась. Как человек. Как сильная, остроумная женщина, не побоявшаяся бросить вызов самому Виктору Хорсту в его же логове.

Они смеялись над его слабостями, которые она так безжалостно вскрывала, но они и восхищались ее смелостью. Те

самые люди, с которыми у него всегда были лишь сложные, сопернические отношения, построенные на выгоде, страхе и взаимном использовании, вдруг испытывали к этой девчонке, к его "Галатее", неподдельное уважение. То, чего он сам от них никогда не добивался и всегда жаждал.

Его начинало душить бессильная злость. Злость от унижения, от потери контроля, но больше всего – от этой несправедливости. Они видели в ней искренность, ум, характер, – чего в нем не видели никогда, или не хотели видеть, или он сам никогда не показывал, прячась за маской циничного гения. Он был для них функцией, источником статуса и возможностей. А она вдруг стала личностью.

Виктор почувствовал, как краска заливает его лицо. Он – Виктор Хорст, властитель дум и женских сердец, автор бестселлеров – стоял посреди комнаты, окруженный смеющимися мужчинами, а дерзкая девчонка, которую он сам выбрал на роль покорной куклы, играла им, как марионеткой. Король был не просто голый – его еще и публично высекли. И сделала это та, кого он меньше всего ожидал.

Ярость, черная и бессильная, захлестнула Виктора. Его мир рушился. Его авторитет, его тщательно выстроенный образ, его контроль – все рассыпалось в прах под насмешливым взглядом этой женщины и одобрительным гулом его же свиты. Слова больше не действовали. Убеждение провалилось. Манипуляция обернулась против него. И тогда, из-за того, что Виктор не мог взять контроль над ситуацией своим

словом, он решил использовать то, чего у него было больше, чем у Эмили – физическую силу.

В одно резкое, звериное движение он шагнул вперед и ударил Эмили. Очень сильно. Кулаком. По лицу.

Раздался глухой, отвратительный звук. Эмили отшатнулась, вскрикнув скорее от неожиданности, чем от боли. Она прижала руку к губам, и когда отняла ее, на пальцах и подбородке блеснула кровь. Ее губа была разбита.

«Ты!.. Тварь! Заткнись!» – закричал Виктор, его лицо исказилось от ярости, голос сорвался на визг. Он ожидал увидеть страх, слезы, мольбу о пощаде. Это всегда работало. Физическая боль и угроза обычно возвращали его "кукол" в состояние покорности.

Но Эмили не стала бояться его, как он ожидал. Она выпрямилась, хотя ее слегка шатало. Она медленно, вызывающе облизала кровь с разбитой губы, и ее глаза, до этого полные насмешливого огня, теперь горели чистой, холодной ненавистью, смешанной с прежним презрением.

«Что, Виктор?» – она снова продолжила шутить над ним, ее голос был чуть приглушен из-за травмы, но яда в нем стало только больше. – «Словарный запас иссяк? Перешел на язык жестов? Какой... примитивный диалог. Не достойно автора интеллектуальных бестселлеров».

«Я сказал, заткнись!» – взревел он, чувствуя, как последние остатки самоконтроля испаряются. Ее неустранимость сводила его с ума. Она не боялась! Она смеялась над ним,

истекая кровью!

Он бросился к ней и схватил ее за горло. Его пальцы сомкнулись на ее шее, вдавливая ее в стену. «Заткнись, я сказал!» – прорычал он ей в лицо, его глаза безумно сверкали. – «Заткнись, или я тебя прямо здесь убью, поняла?! Я тебя уничтожу!»

Он сдавил сильнее, ожидая хрипа, мольбы, паники в ее глазах.

Но она даже в его хватке, чувствуя, как воздух с трудом проходит в легкие, продолжала смотреть ему прямо в глаза. Ее окровавленное лицо было близко к его, искаженное не только болью, но и яростной усмешкой. Она шипела ему в лицо шулки, теперь уже не просто насмешливые, а злые, полные сильнейших оскорблений и унижений, выплескивая всю накопленную горечь и ненависть.

«Убьешь?... Ха... Попробуй...» – прохрипела она, задыхаясь. – «Хоть... что-то... сделаешь... по-настоящему... а не... твои... жалкие... игры...». Ее взгляд был диким, неукротимым.словно зверь, загнанный в угол, она не боялась показывать врагу, что не боится его, что будет кусаться до последнего вздоха. «Трус... Импотент... Не только... в постели... но и... в жизни...». – каждое слово было вырвано с усилием, но било точно в цель.

Виктор тряс ее, его лицо побагровело от ярости и напряжения. Он был полностью поглощен этой схваткой, этой битвой воли, где он так унижительно проигрывал, несмотря на

свое физическое превосходство.

И в этот самый момент, в дверях Золотой VIP-комнаты, журналист из желтой прессы, тот самый, которому Виктор обещал сенсацию, невероятно сильно обрадовался. Его глаза горели азартом, руки слегка подрагивали от возбуждения, когда он незаметно поднял телефон, включив запись. Ведь Виктор не соврал! Он действительно не дал ему скучать и устроил шоу! Такое шоу, о котором будут писать все таблоиды мира!

Виктор был настолько поглощен своей яростью, настолько ослеплен унижением и жадой заставить Эмили замолчать, что даже не заметил очевидного: тяжелая дубовая дверь в комнату так и осталась открытой после того, как Эмили ввела его внутрь. И за этой дверью стоял не только ухмыляющийся репортер. За ним виднелись бледные, шокированные лица других гостей, случайно оказавшихся рядом.

Все они видели это представление. Представление, которое никогда не должно было стать достоянием публики. Сцену, которая не должна была стать частью его тщательно срежиссированной книги, но теперь неотвратимо становилась ее самой скандальной, самой уродливой главой. Глава о падении голого короля.

Секунда растянулась в вечность. Осознание ударило Виктора сильнее, чем он ударил Эмили. Открытая дверь. Журналист. Шокированные лица гостей. Смех его "друзей". Это унижение... все увидели. Не просто увидели – засняли. За-

помнили. Его падение, его ярость, его насилие – все это стало публичным достоянием.

Он впал в шок. Настоящий, парализующий шок. Мозг отказывался обрабатывать реальность. В его спланированной жизни, где он всегда контролировал повествование, таких ситуаций он никогда не испытывал. Он был автором, а не персонажем фарса. Он дергал за ниточки, а не висел на них, беспомощно дергаясь под чужими взглядами. Рука, только что сжимавшая горло Эмили, безвольно повисла. Он застыл, глядя в пустоту расширенными глазами, лицо – маска ужаса и растерянности.

И тут его друзья – Макс и Лев – засмеялись. Не просто хохотнули, а взорвались истеричным, почти безумным смехом. Это был смех не над шуткой, а над абсурдом, над крушением титана, над тем выражением лица, которое сейчас было у Виктора – лицом человека, у которого только что вырвали позвоночник на глазах у толпы. Они смеялись, давясь и всхлипывая, а потом, не говоря ни слова, развернулись и быстро, почти убегая, ушли из комнаты, бросив своего "короля" на растерзание.

А вслед за ними, вырвавшись из ослабевшей хватки Виктора, вышла Эмили. С окровавленной губой, с горящими яростью и триумфом глазами, она шагнула из полумрака VIP-комнаты в освещенное пространство зала. И мгновенно начала забирать на себя все внимание. Точь-в-точь, как и хотел Виктор, устраивая этот вечер. Но только он не думал,

что она станет сверкать ярче его, затмевая его своим скандальным, опасным сиянием.

Она не стала плакать или убежать. Вместо этого она превратилась в диву трагикомедии. Она очень красиво, словно модель на подиуме, прошла мимо ошеломленных журналистов и гостей, демонстративно касаясь разбитой губы. Потом, к всеобщему изумлению, легко залезла на один из столов, оказавшись на возвышении. И продолжила рассказывать факты из его личной жизни, но теперь под новым, гениально-язвительным соусом:

«Дамы и господа! – ее голос звенел, перекрывая гул толпы. – Вы все знаете Виктора Хорста как гения, как мастера слова! Но знаете ли вы, насколько он гений? Насколько его преданность искусству не знает границ?».

Она сделала паузу, обводя всех взглядом. Журналисты уже вовсю снимали.

«Вот, например! – она указала пальцем в сторону застывшего Виктора, который наконец начал выходить из ступора, но пока мог лишь беспомощно смотреть на нее. – Этот человек способен три дня не выходить из своей шелковой пижамы, питаясь только крекерами, потому что его посетило вдохновение! Ходить и вонять потом и мочей. Лезть целоваться с немытыми зубами и пахнущим ртом. Ну, или потому что он снова поссорился с котом из-за кражи интеллектуальной собственности! Смотрите, какой у нас Виктор крутой человек, он гений! Его преданность работе просто поражает!

Даже бытовые мелочи подчинены великому замыслу!».

Несколько нервных смешков из толпы. Виктор шагнул вперед, его лицо снова начало наливаться краской, теперь уже от ярости и унижения.

«Эмили, прекрати этот цирк! Спустись немедленно! – он попытался вернуть себе властный тон, интеллектуально заткнуть ее унижениями. – Ты выставляешь себя посмешищем! Жалкая попытка привлечь внимание, используя грязь и выдумки!».

Эмили парировала мгновенно, даже не дрогнув. Она повернулась к нему на столе, изящно изогнувшись.

«Грязь? Выдумки? Виктор, дорогой, это не грязь, это – текстура! Это глубина твоего образа! – она использовала те же факты из личной жизни, но обернула их в ядовитую похвалу. – Разве не гениально – спорить до хрипоты на форуме аквариумистов под ником "ПовелительГуппи69"? Это же показывает многогранность твоей натуры! Умение погружаться в любую тему с головой! Не каждый творец способен на такую самоотдачу в изучении... кхм... жизни простейших. Вот такой у нас Виктор гений! Разносторонний!».

Снова смех, теперь уже более уверенный. Люди начинали понимать игру.

«Ты несешь чушь! – взвился Виктор. – Твои примитивные мозги не способны понять истинной природы творчества! Ты просто мстительная...».

«Мстительная? – Эмили приложила руку к сердцу, ее гла-

за расширились в пародийном ужасе. – Нет, Виктор, я восхищенная! Я просто пытаюсь донести до публики твою истинную суть! Например, твою невероятную сексуальность! Его друзьям, которым он позволил меня щупать, я рассказала про ложечку – она снова обратилась к толпе. – Вы думаете, это мелочность? Нет! Это страсть! Это вулкан эмоций, который может извергнуться из-за... йогурта! Это доказывает, какой огонь горит в его душе! Он не боится быть настоящим, даже когда это выглядит... эксцентрично! Вот такой у нас Виктор гений! Непредсказуемый! Эмоциональный!».

Она спрыгнула со стола с грацией кошки, приземлившись прямо перед ним. Кровь на ее губе подсохла темной корочкой, что придавало ее лицу еще более драматичный и вызывающий вид.

«Так что не надо меня затыкать, Виктор. Я лишь твой самый преданный биограф. Рассказываю миру о твоем величии... во всех его проявлениях. Поэтому, жду от тебя слова благодарности, мой милый Хорстик».

Она улыбнулась ему самой ядовитой, самой победительной улыбкой. И Виктор понял, что проиграл. Он не мог перекричать ее, не мог переспорить ее – она превратила его же оружие, его же тайны, его же унижения в свой собственный, извращенный триумф.

Виктор стоял как громом пораженный, совершенно дезориентированный. Его мир перевернулся. Он был в центре внимания, как и хотел, но это было внимание толпы, собрав-

шейся поглазеть на публичную казнь его репутации. И пала-
чом была она.

Эмили, словно почувствовав его ментальный паралич, не
остановилась. Наоборот, она вошла в раж. С той же хищной
грацией она начала кружиться вокруг него, как темная ба-
лерины в центре сцены, которой стал этот зал. Ее движения
были плавными, завораживающими и одновременно пугаю-
щими. Она не просто ходила – она играла с пространством
вокруг него, то приближаясь почти вплотную, то отступая на
пару шагов.

И она начала делать перед ним выпады, которые можно
было бы назвать сексуальными, если бы не контекст и ледя-
ное презрение в ее глазах. Она медленно проводила рукой
по своему бедру, глядя ему прямо в глаза. Она наклонялась
к нему так близко, что он чувствовал тепло ее дыхания, сме-
шанное с металлическим привкусом крови на ее губах. Она
трогала его – легкое, почти невесомое касание пальцев к его
плечу, скольжение кончиками пальцев по его руке, когда он
инстинктивно отдергивал ее.

От этого он окончательно терял разум. Его мозг не мог
соединить унижительные слова, звучавшие из ее уст, с этими
провокационными жестами. Он не понимал, что происходит.
Это была какая-то извращенная пытка, где агрессия смеши-
валась с подобием флирта, где унижение подавалось под со-
усом едва ли не интимной близости. Он чувствовал, как его
щеки горят, как путаются мысли. Он хотел оттолкнуть ее,

ударить снова, убежать – но не мог сделать ничего, скованный шоком и этим странным, парализующим спектаклем.

А Эмили продолжала говорить, и ее слова становились все жестче, все безжалостнее, впиваясь в самые болезненные точки его эго.

«Смотрите все! – она сделала пируэт, остановившись прямо перед ним и проведя пальцем по линии его челюсти. Он вздрогнул. – Наш Маэстро так глубоко погружен в творческий процесс, что иногда... путает реальность и свои грандиозные фантазии! Помните, как он описывал свою героиню, покоряющую мир одним взглядом? Кажется, он решил, что и в жизни достаточно просто нахмурить брови, чтобы все пали ниц!» – она рассмеялась низким, гортанным смехом. – «Оказывается, нет! Иногда нужно... что-то еще. Может, талант? Вот такой у нас Виктор гений! Живет в мире своих иллюзий!».

Она снова обошла его, теперь заходя со спины и прошептала ему на ухо так, чтобы слышали только ближайшие: «А его "коллекция" муз? О, он так гордится ею! Говорит, каждая – источник вдохновения. Правда, источник обычно иссякает, как только муза начинает иметь собственное мнение... или, не дай бог, просит вернуть долг. Но это же ради искусства, правда? Гениям нужны жертвы! Особенно чужие. Какой у нас Виктор... любвеобильный гений! Ценитель красоты... одноразового использования».

Виктор замычал что-то нечленораздельное, попытался

повернуться, но она легко увернулась, снова оказавшись перед ним. Она присела перед ним на корточки, заглядывая снизу вверх, пародируя обожание, но ее глаза были холодны как сталь.

«А помнишь, Виктор, как ты рассказывал мне о покорении неприступных вершин? О том, как важна мужская сила, доминация? — она подняла руку и медленно, издевательски погладила его по бедру. Он отшатнулся, как от огня. — Судя по сегодняшнему... перформансу... твоя сила, кажется, проявляется только там, где ты уверен в безнаказанности. На женщин кулаками? Это так... мужественно! Так... доминантно! Наверное, компенсируешь свой маленький член и импотенцию? Маленькие секреты большого писателя? Вот такой у нас Виктор гений! Умеет сублимировать... неудачи в кулаки!».

Ее голос сочился ядом, каждое слово было выверено, чтобы ударить как можно больнее. Она использовала его же риторику, его же хвастовство, его же тайные страхи и комплексы, выворачивая их наизнанку и выставляя на всеобщее обозрение под маской восхищения его "гениальностью".

Виктор стоял посреди зала, окруженный молчаливой толпой и вспышками камер, совершенно раздавленный. Он больше не пытался говорить. Он просто смотрел на Эмили с ужасом и бессильной ненавистью, пока она танцевала свой страшный, победный танец на руинах его тщательно выстроенного мира.

Виктор стоял оглушенный посреди хаоса, который сам же и спровоцировал. Ярость Эмили, ее унижительный перформанс, смех его бывших друзей, шепот толпы – все слилось в оглушающий белый шум. Он был настолько зол и настолько не понимал, что происходит, что даже не заметил момента, когда Эмили, завершив свой ядовитый бенефис, выскользнула из зала на улицу.

Когда он наконец вынырнул из внутреннего состояния, где был раздавлен, унижен и лихорадочно искал варианты, что делать, он вернулся в жестокую реальность. Осколки фраз доносились со всех сторон: «...полный провал...», «...какой скандал...», «...Хорст себя похоронил...», «...кто теперь купит его книгу?». Осознание того, что его тщательно выстроенная карьера, его новая работа стояла на грани провала из-за этой девчонки, ударило с новой силой.

Теперь ему стало по-настоящему плевать на все. На репутацию, на книгу, на свидетелей, на камеры. Внутри клокотала только одна мысль: отомстить. Заставить ее пожалеть о каждом слове, о каждом взгляде, о каждой секунде этого кошмара. Он хотел, чтобы Эмили пожалела об этих словах, и он сделает это прямо сейчас, даже под линзами камер, если понадобится. Пусть видят. Пусть боятся.

Он пошел искать ее по всему залу, расталкивая зевак. Его движения были резкими, лицо – маской неукротимой ярости. Кто-то из журналистов или просто наглых гостей пытался задавать ему вопросы с явными издевками: «Виктор, пару

слов о вашем новом... перформансе?», «Это была часть промо-кампании, да? Гениально!». Эти слова лишь подливали масла в огонь, делая Виктора еще злее, еще решительнее.

В его мыслях проносились самые кровавые сцены: вот он встречается Эмили, хватает ее, и вот он разбивает ей лицо до состояния кровавого месива, кулаками, о стену, обо что угодно, чтобы она больше никогда не посмела открыть свой рот, чтобы все эти смеющиеся гиены вокруг поняли, что значит издеваться над ним.

Он рыскал по залу, заглядывал в подсобки, его глаза горели безумным огнем. Он толкнул неприметную дверь в конце коридора, ведущую в тихий выход на улицу – технический проход, куда обычно втаскивали в зал декорации и мебель, и где никого не было. Тусклый свет единственной лампочки освещал захламленное пространство с коробками и строительным мусором.

И наконец, он увидел ее. Сгорбившуюся на перевернутом ящике, спиной к нему. Ярость, подогретая унижением и мыслями о мести, кипела, как магма в жерле просыпающегося вулкана. Он подошел к ней, его шаги гулко отдавались в тишине, резко схватил ее за плечо, поворачивая к себе. Его рука уже была занесена для удара, мышцы напряглись, ярость достигла пика...

И за секунду до удара он вдруг остановился.

Его взгляд, полный ненависти, встретился не с вызовом, а с потоком слез. Он увидел перед собой плачущую девушку.

Не актрису, не мстительную фурию, а просто раздавленного человека. Эмили плакала тихо, горькими, тяжелыми слезами, ее плечи мелко дрожали. Маска ядовитой насмешницы спала, обнажив лицо, полное растерянности и боли. Разбитая губа снова кровоточила, смешиваясь со слезами. В руке она безвольно держала бутылку рома, наполовину полную и наполовину пустую.

В мгновение он стал пустым. Ушла ярость, но на ее место не пришло ничего – ни удовлетворения, ни злорадства, ни даже равнодушия. Просто пустота. А потом, из этой пустоты, начало прорасти что-то совершенно неожиданное.

К нему вернулась сострадательность. Чувство, которое он давно похоронил под слоями цинизма, эгоизма и амбиций. И ему вдруг стало жалко Эмили. Не просто жалко – он ощутил острую, почти физическую боль от ее слез, от ее сломленного вида. Это было странное, давно забытое чувство. Прямо как в детстве, когда он испытывал сильную, всепоглощающую любовь и жалость к своей маме, когда видел ее уставшей или расстроенной. То чистое, беспримесное сопереживание, которое он считал навсегда утраченным. После чего до этого момента он никогда не испытывал ничего подобного ни к одной девушке, ни к одному человеку вообще.

Сознание Виктора уже не понимало, что происходит. Он хотел разбить ей лицо, а вместо этого чувствовал укол совести и жалости. Он хотел мстить, а вместо этого ощущал что-то похожее на раскаяние. Его мозг, привыкший все кон-

тролировать и просчитывать, отказывался обрабатывать этот внезапный эмоциональный сбой.

И тогда случилось немыслимое. На фоне этого внутреннего хаоса, от перегрузки, от столкновения жестокости и внезапно проснувшейся эмпатии, он вдруг сам неожиданно заплакал. Негромко, почти беззвучно, но по его щекам покатились горячие, злые, растерянные слезы. Он стоял перед плачущей Эмили, с занесенной для удара рукой, и плакал сам, совершенно не понимая, что с ним творится.

Застывшая рука Виктора дрожала в воздухе. А Эмили подняла на него глаза – красные, опухшие, полные такой бездны боли, что его собственная ярость показалась мелкой и пошлой. Ее голос, сначала тихий, словно сломанный, начал набирать силу, пропитанный ядом и слезами.

«Ну, давай, тварь, бей меня!» – выплюнула она, и в этом выкрике было столько отчаяния, столько вызова сломленного человека, что у Виктора перехватило дыхание. – «Чего встал? Ты же это умеешь! Ты же мастер причинять боль! Давай! Добавь еще один шрам! Может, хоть этот будет виден снаружи!».

Ее слова обрушились на него, как ледяной водопад, десятикратно усиливая ту странную, внезапную жалость, превращая ее в невыносимое чувство вины. Эмили начала давить ему на совесть, вытаскивая на свет все то темное и уродливое, что он так старательно прятал даже от самого себя.

«Ты думаешь, избивая меня – самое страшное, что ты де-

лал?!» – она почти смеялась сквозь слезы, страшным, над-
рывным смехом. – «О, нет, Виктор! Ты гораздо изобрета-
тельнее! Ты бил не по лицу – ты бил по душе! Каждый день!
Медленно, методично, пока от нее почти ничего не осталось!
Помнишь, как ты смеялся над моей первой рукописью? – ее
голос звенел от горечи. – Сказал, что это милые женские глу-
пости, что мне лучше варить тебе кофе и вдохновлять молча.
А потом, через месяц, я увидела свои же фразы, свои мысли
в твоём гениальном' тексте! Ты даже не потрудился их изме-
нить! Как мне было больно тогда, Виктор! Будто у меня вы-
рвали часть души и растоптали на глазах у всех!».

Виктор от этих слов только сильнее плакал. Он опустил
руку, но тело его сотрясало от беззвучных рыданий. Он за-
дыхался, пытался что-то сказать, но горло сжимал спазм. Он
не знал, что делать и что говорить. Он был пойман в капкан
собственного прошлого, и стены этого капкана были выстро-
ены из ее страданий.

А Эмили все продолжала и продолжала говорить, как он с
ней плохо поступал, ее голос становился то пронзительным
криком, то удушенным шепотом.

«А помнишь поездку в Прагу? Ту, о которой я мечтала с
детства? Я копила, я планировала каждую деталь! А ты за
день до вылета сказал, что не можешь, потому что нашло
вдохновение, и тебе нужно побыть одному – она сделала глот-
ток рома прямо из горла, скривившись. – А потом я увидела
твои фото в соцсетях – ты прекрасно проводил время с той

блондинкой из издательства! В Праге! В тех самых местах, куда мы должны были пойти вместе! Ты не просто отменил мою мечту, ты украл ее и отдал другой! Ты представляешь, как это – чувствовать себя мусором, который можно просто выкинуть, когда он не нужен?!».

«А как ты заботился обо мне, когда я болела? Помнишь ту жуткую ангину? Я не могла говорить, температура под сорок... А ты был зол, что я мешаю тебе работать своим кашлем, что я слишком слабая. Ты ушел поработать в кафе, оставив меня одну, без лекарств, без сил даже встать! Сказал, что гениям нельзя отвлекаться на быт! Господи, как мне было одиноко и страшно! Как я ненавидела себя за то, что посмела заболеть и разочаровать тебя!».

«Ты говорил, что любишь мой смех... а потом шипел на меня на людях, чтобы я вела себя тише, не позорила тебя своей непосредственностью! Ты восхищался моей эрудицией, а потом при друзьях говорил: "О, Эмили опять умничает, не обращайтесь внимания". Ты убивал во мне все живое! Все, что тебе сначала нравилось, ты потом методично уничтожал, потому что это мешало тебе сиять! Ты хотел не живого человека рядом, а красивую куклу, которая будет молча обожать тебя! Ты понимаешь, что ты сделал?! Ты выжег меня изнутри! Оставил только оболочку и пепел!».

Каждое слово было как удар хлыста. Каждое воспоминание – как соль на рану. Виктор согнулся пополам, упираясь руками в колени, слезы текли по его лицу, капая на грязный

пол. Он не мог смотреть на нее. Он не мог выносить звук ее голоса, полного этой вселенской, им же порожденной боли. Он чувствовал себя чудовищем, самым отвратительным существом на свете. Пустота внутри него заполнилась ледяным ужасом от осознания того, кем он был на самом деле. А Эмили все говорила и говорила, оплакивая их прошлое и добивая его каждым своим словом.

Застывшая рука Виктора упала вдоль тела, словно перебитая. А тихие, горькие слезы Эмили превратились в дикие, захлебывающиеся рыдания. Она вскочила с ящика, чуть не упав, ее тело сотрясилось так, будто его били током. Она начала ходить взад-вперед по тесному проходу, как загнанный зверь, жестикулируя, хватаясь за голову, ее голос срывался на крик, потом падал до неразборчивого шепота, пропитанного стократно усиленной болью.

«Да я боготворила тебя, идиот! Боготворила! Я дышала тобой! Я жила тобой! Каждый мой гребаный вздох был для тебя!» Она ударила себя кулаком в грудь, с такой силой, что звук получился глухим и страшным. Я делала ВСЕ для тебя! ВСЕ! Я отказалась от своей жизни, от своих друзей, от своих мечтаний – все ради твоего "гения", ради твоего комфорта, ради твоей улыбки!».

Виктор стоял, совершенно раздавленный. Эта волна необузданной, первобытной боли смыла остатки его самообладания. Он чувствовал себя обнаженным, беззащитным перед этим ураганом. Все, что он мог выдавить из пересохшего

горла, был стон, имя:

«Эмилия...»

«Заткнись!» – взвизгнула она, ее глаза безумно блестели сквозь пелену слез. – «Не смей произносить мое имя своим лживым ртом! Ты хоть представляешь, каково это?! Каково это – верить в кого-то так слепо, так отчаянно?! Видеть в нем свет, когда все вокруг видят только тьму?! Защищать его перед всеми, оправдывать его мерзости, говорить себе: "Он просто сложный, он ранимый, ему нужна моя любовь!" А он?! А ОН В ОТВЕТ ПРИНОСИЛ ТОЛЬКО БОЛЬ!!!».

Ее крик перешел в надрывный вой. «Каждый раз! Каждое твое слово, каждый твой поступок – это был нож в мое сердце! Ты помнишь, как я плакала ночами после твоих "дружеских" замечаний о моей внешности, о моем уме?! Ты помнишь, как я собирала себя по кусочкам после того, как ты "забыл" про мой день рождения, потому что был слишком занят очередным шедевром?! А я все равно прощала! Я убеждала себя, что ты не со зла! Что ты просто... такой! Что гениям все прощается!».

Она подошла к нему вплотную, ее дыхание обжигало его лицо, от нее пахло ромом и отчаянием.

«Как мне тяжело от этого, Виктор! КАК ТЯЖЕЛО!» – она схватила его за отвороты дорогого пиджака, ее пальцы впились в ткань. – «Любить тебя – это как обнимать раскаленный металл! Это ад! Ты сжег меня дотла своей любовью, своим безразличием, своей жестокостью! Ты выпил из

меня всю душу, оставил только эту дрожащую оболочку! И знаешь, что самое страшное?! Я до сих пор... где-то там, в самом темном уголке... я все еще люблю тебя, проклятого ублюдка! И я ненавижу себя за это!!!».

Ее силы иссякли. Она отпустила его и сползла на пол, продолжая рыдать, уткнувшись лицом в колени. Ее плечи сотрясались в конвульсиях горя. Весь ее мир рухнул, и виновником этого был он.

А Виктор только мог произносить:

«Эмилия...» – он прошептал это снова, его голос был полон слез и такой же безысходности. Он смотрел на ее сгорбленную фигуру, на эту бездну страдания, которую он сам же и создал своей эгоистичной, слепой жестокостью. Он хотел что-то сделать, сказать, исправить – но слова застревали в горле. Он был парализован масштабом ее боли и своей вины. Он видел не просто плачущую девушку, он видел руины души, которую он разрушил во имя своего тщеславия.

«Эмилия...» – звук его собственного голоса казался ему чужим и беспомощным. Он тоже плакал, уже не тихо, а всхлипывая, как ребенок, потерявший все. Он плакал от ужаса перед содеянным, от жалости к ней, и от какого-то страшного, мучительного осколка той самой любви, о которой она кричала, который, как оказалось, еще тлел и в его выжженной душе.

Рыдания Эмили стихли, оставив после себя икоту и дрожь во всем теле. Ее лицо было опухшим, красным, испещрен-

ным мокрыми дорожками слез, но во взгляде появилось что-то новое – страшная, выстраданная ясность. Она посмотрела на Виктора не с ненавистью и не с мольбой, а с глубочайшей, всепоглощающей усталостью и горечью осознания.

Ее голос был хриплым, почти сломанным, но каждое слово теперь звучало весомо, как приговор.

«Я... я ведь правда... делала все для тебя...» – начала она тихо, словно говоря это больше себе, чем ему. «Помнишь, как ты сказал, что ненавидишь запах краски в моей студии, потому что он отвлекает от высоких мыслей? Я бросила живопись. Ту самую, что была моей отдушиной, моим воздухом. Я сложила кисти и холсты в дальний ящик. Для тебя».

Она обхватила себя руками, будто ей стало холодно в этом затхлом проходе. «Я перепечатывала твои рукописи по ночам, потому что ты не доверял бездушным машинам. Я читала каждую строчку, искала ошибки, восхищалась каждым словом, даже когда оно было пустым и напыщенным. Я была твоей тенью, твоим эхом, твоим самым преданным читателем и слугой. Я жила твоими успехами, твоими неудачами, твоими настроениями. Моей жизни... ее просто не стало. Была только твоя».

Виктор стоял как истукан, слезы продолжали беззвучно течь по его щекам. Он хотел что-то сказать, протянуть руку, но тело его не слушалось, парализованное ее тихим, но таким оглушающим обвинением.

«Эмилия...» – выдохнул он снова, и это слово повисло в

воздухе, беспомощное и неуместное.

Она слабо качнула головой, не глядя на него. «А ты... ты брал все это как должное. Ты привык, что я рядом, что я молчу, что я прощаю. Ты не видел меня. Ты видел только удобное зеркало, отражающее твое величие. И из-за того, что ты так плохо ко мне относился... так жестоко, так пренебрежительно... я начала видеть тебя по-другому».

Ее голос слегка дрогнул, но она продолжила, набирая силу от самой правды этих слов. «Сначала я гнала эти мысли. Я оправдывала тебя перед собой, перед подругами, перед всем миром. "Он гений", "Он просто устал", "У него тонкая душевная организация". Я цеплялась за редкие моменты нежности, раздувала их до вселенских масштабов, чтобы заглушить постоянную боль».

Она подняла на него глаза, и в них была бездна разочарования. «Но потом... я начала видеть тебя... плохим. Не просто сложным или эгоистичным. А именно плохим. Ужасным. Я видела, как ты унижаешь официантов. Как ты злорадуешься над чужими неудачами. Как ты лжешь легко и непринужденно. Как ты используешь людей и выбрасываешь их, когда они становятся не нужны. И я смотрела на тебя и понимала... ты делаешь то же самое со мной. Только медленнее».

Драматургия момента достигла пика. Тусклый свет лампы выхватывал их фигуры из темноты, создавая почти театральную сцену – исповедь разбитого сердца и молчали-

вое раскаяние палача. Воздух был густым от невысказанных слов, от запаха дешевого рома, пыли и концентрированного человеческого страдания. Сцена была до предела чувственной: каждое слово Эмили было ощутимо, как удар, каждое ее движение передавало волны боли, а его неподвижность кричала о внутреннем крахе.

«Я смотрела на тебя, когда ты спал... такого безмятежного, уверенного в своей правоте... и меня охватывал ужас. Не ненависть, Виктор, а липкий, холодный ужас. Я видела рядом с собой не любимого мужчину, а... монстра. Красивого, талантливого, но бездушного монстра. Каким не должен быть человек. И от этого осознания внутри все переворачивалось».

Она снова опустила голову, ее плечи поникли. «И тогда... тогда я начала думать, что нужно уходить. Бежать от тебя. Спасать то, что еще осталось от меня. Эта мысль была как яд, она отравляла все, во что я верила, всю мою любовь к тебе, которую я так бережно хранила, несмотря ни на что. Но она становилась все громче. Потому что остаться – значило позволить тебе окончательно меня уничтожить».

Она замолчала, обессиленная этим признанием. Воздух звенел от напряжения. Виктор смотрел на нее, на эту хрупкую фигуру, несущую на себе неподъемный груз его грехов. Он видел не истеричку, не мстительницу, а жертву своей собственной слепоты и жестокости. И от этого зрелища его сердце разрывалось на части.

«Эмилия...» – прошептал он в третий раз, и в этом слове теперь была не только растерянность, но и отчаянная, запоздалая мольба. Но он не знал, о чем он молит. О прощении? О шансе? Или просто о том, чтобы эта невыносимая боль прекратилась?

Тишина, нарушаемая лишь его собственными всхлипами и ее прерывистым дыханием, казалось, сгустилась до предела. А потом Эмили медленно, словно сомнамбула, сделала несколько неуверенных шагов от стены, выходя из тени коробок и хлама. И словно по волшебству, единственный луч лунного света, пробивавшийся сквозь все здание и на ее стороне через грязное высокое окно или приоткрытую дверь, упал прямо на нее, выхватив ее фигуру из полумрака. Эмили встала на середину этого импровизированного двора-прохода, и луна, как бесстрастный софит, точно освещала ее.

Серебряный свет омывал ее растрепанные волосы, бледное, заплаканное лицо. И в этом неземном сиянии ее поза изменилась. Ярость и боль уступили место чему-то другому. Она опустила плечи, словно под невидимым грузом, и подняла на Виктора глаза. В них больше не было ни вызова, ни обвинения. Только глубокая, бесконечная печаль и странная, неуместная виноватость. С лицом совестливого ребенка, который напроказничал и теперь извиняется перед строгими родителями, она начала говорить, ее голос был тихим, дрожащим и полным какой-то трагической нежности.

«Виктор... прости меня», – прошептала она, и эти слова

прозвучали в тишине оглушительно. «Прости, что я... так тебя опозорила. Прямо перед выходом... перед всеми... Я не должна была».

Она беспомощно развела руками, словно сама не понимая своих поступков. «Я... я просто не выдержала. Не смогла стерпеть... того унижения, которое... которое ты хотел со мной сделать... или позволил сделать... там, с твоими друзьями». Ее голос запнулся на мгновение, воспоминание явно причиняло ей физическую боль. «Когда твои друзья... когда они начали... сначала взглядами... а потом и руками... ощупывать меня... так, будто я вещь, которую можно передавать по кругу... И что-то сломалось внутри».

Она посмотрела на свои дрожащие руки, потом снова на него, и в ее взгляде была мольба о понимании, смешанная с глубоким стыдом за свою слабость, за свою реакцию. «Я ведь... я так хотела быть твоей музой перед выступлением. Правда хотела. Собраться, забыть все обиды, вдохновить тебя... как ты любишь. Но... но тут меня прорвало. Все накопившееся... вся боль, все слезы... они выплеснулись разом».

Она покачала головой, ее лицо исказилось от внутреннего смятения. «Я даже не знаю, что со мной было. Честное слово, не знаю. Это как туман... как безумие... Ведь на трезвую голову...» – она кивнула на валявшуюся рядом почти пустую бутылку рома, – «...я бы никогда... никогда бы себе такого не позволила. Ты же знаешь».

И тут ее голос снова надломился, наполняясь той са-

мой всепоглощающей, иррациональной нежностью, которая и была источником ее страданий. «Никогда бы не сделала тебе больно. Не поставила бы тебя в такое положение. Ведь я... я очень... очень сильно тебя люблю, Виктор».

Последние слова прозвучали почти как стон, как признание в неизлечимой болезни. Она стояла в лунном свете, хрупкая, опустошенная, извиняющаяся за свою реакцию на унижение, и признающаяся в любви тому, кто был источником и унижения, и боли. Вся абсурдность, вся трагедия их искаженных отношений сконцентрировались в этом моменте.

Виктор смотрел на нее, и его собственное горе, его раскаяние показались ему вдруг мелкими, ничтожными на фоне ее исповеди. Ее слова, ее вид – это было страшнее любых обвинений. Он видел не просто женщину, которую довел до ручки. Он видел душу, настолько искаленную его эгоизмом и ее собственной любовью, что она извинялась за то, что посмела почувствовать боль.

«Эмилия...» – он прошептал ее имя в очередной раз, и теперь оно звучало как реквием. Реквием по ее любви, по его упущенному шансу на человечность, по им обоим. Он сделал шаг к ней, но ноги его подкосились, и он вынужден был опереться о стену, чтобы не упасть. Он хотел кричать, выть от ужаса перед содеянным, но мог лишь беззвучно плакать, глядя на свою жертву, которая в лунном свете казалась одновременно и ангелом, и безумицей, сломленной им безвоз-

вратно. Она смотрела на содрогающуюся спину Виктора, на его беззвучные рыдания, и в ее взгляде была лишь констатация горького итога.

«Да, я... я очень сожалею, что так вышло,» – повторила она тихо, но голос ее обрел твердость, почти стальную. «Что помешала тебе перед выходом. Не хотела тебя расстраивать. Но пойми, Витя... я больше так не могу. Правда, не могу. Эти твои... поступки... они меня просто изводят». Она сделала короткий, судорожный вздох. «Во мне уже живого места не осталось. Посмотри, на что я стала похожа? Вся душа истрепана, как старая тряпка».

Она обвела взглядом грязный двор, бутылку у ног, его скорчившуюся фигуру. В ее голосе зазвучала бесконечная, измотанная нежность, переходящая в упрек. «Знаешь, я ведь... я так надеялась, что ты будешь другим. Что станешь опорой. Я думала, ты увидишь... всё, что я для тебя делала. Всю мою заботу... и начнешь ценить это. Начнешь беречь... то, что могло бы быть у нас».

Она горько усмехнулась, и эта усмешка была полна боли обманутых ожиданий. «А оказалось... я просто придумала себе тебя. Совсем другого. И как же я ошиблась».

Лунный свет делал ее лицо почти прозрачным, подчеркивая каждую складку у губ, каждую тень под глазами.

«И самое горькое для меня сейчас, Витя...» – ее голос дрогнул, но она выпрямилась. «Самое обидное – это осознать, сколько сил ушло впустую. Я потратила их на эти слезы,

на эти переживания, на бесконечные попытки тебя понять, тебя оправдать, дожидаться, когда ты наконец... станешь надежным».

Она вскинула голову, встречая его заплаканный, растерянный взгляд. «И нет, ты пойми, я не жалею о том тепле, что было. О той искренности. Оно было моим, оно было настоящим, и оно давало мне силы. Но то, во что все это превратилось... все эти нервы, бессонные ночи... из-за этого теперь так долго придется приходить в себя. Бесконечно долго. Чтобы просто... снова стать нормальным человеком. Ты хоть представляешь, сколько сил на это уйдет? Собрать себя после всего... этого».

Она говорила это так, словно объясняла неразумному ребенку последствия его шалостей, но последствия эти были катастрофическими и касались ее собственной жизни. Она стояла в этом лунном свете, бесконечно уставшая, с тихой горечью констатируя крах не только отношений, но и своих вложений – эмоциональных, временных, душевных. Прощание звучало как окончательный, печальный диагноз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.